

Серые птицы на белом берегу

Народный роман

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Виктор Рубцов

Виктор Рубцов

**Серые птицы на белом
берегу. Народный роман**

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Рубцов В. Н.

Серые птицы на белом берегу. Народный роман / В. Н. Рубцов — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Виктор Рубцов по профессии журналист. В повести «Серые птицы на белом берегу» он отразил подлинные события из жизни главного героя и его сослуживцев и знакомых, участников освоения полуострова Мангышлак, ставшего в 60 – 70-е годы двадцатого века одной из крупнейших комсомольских строек Советского Союза. Изменены лишь фамилии героев. А все, о чем говорится в повести, основано на реальных фактах из периода создания промышленного комплекса на востоке Казахстана. Как реален и исторический фон книги, на котором происходят те или иные события из жизни главного и остальных героев повести. Содержит нецензурную брань.

СЕРЫЕ ПТИЦЫ НА БЕЛОМ БЕРЕГУ

(Народный роман)

Часть первая

Тяжелый, лоснящийся на солнце, словно дельфин, «ИЛ-18» накренился вправо, и Мухин увидел, как покачнулась, поднялась кверху серо-бурая степь, покрытая редкой, азиатской щетинкой высохшего на солнце жусана, как называли казахи полынь. А за ней – сизое, в барашках волн, горбатое море. Оно, как прачка, закатившая рукава, до белизны отмывало изъеденный солью ракушечник, глыбы известняка, образовавшие причудливый и ломаный рисунок берега.

Самолет проходил над мысом Актау. Вот там – подумал Мухин, – был первый маяк. Он указывал мореплавателям дорогу, предупреждал об опасности, вселял надежду. Мухин вспомнил как двадцать лет назад чуть дальше – где обрывалась «подкова» города, высаживался первый десант, выгружались первые сухогрузы со стройматериалами и техникой. А потом невдалеке рыли землянки. В одной из них он прожил почти два года. Теперь от землянок не осталось и следа. На месте их выросли коробки двух, – пяти и одиннадцатиэтажных домов. На привезенном из-за моря грунте поднялись аллеи деревьев, заросли парка.

Жизнь цепкими корнями ухватилась за полупустынный берег, наполнила звонким многоголосьем веками дремавшую тишину. Раньше, прилетая к родне на большую землю, Мухин, будучи в гостях у родителей, не без гордости рассказывал о том, что он приложил к этому важному делу свои руки. Именно он, а не кто-то другой, строил здесь, за Каспием, первый в мире «БН-350» – реактор на быстрых нейтронах, первые в мире опреснители морской воды, которым завидовали в свое время даже продвинутые американцы. А насчет остального, – предупреждал он многозначительно, – не спрашивайте! Государственная тайна! Объекты среднего машиностроения. Оборонные, значит. И лишь изрядно захмелев, под большим секретом рассказал отцу о том, что, может быть, из этих самых нейтронов, атомов и начинку для бомб делают. Только об этом никто не знает. Кроме американцев и японцев, конечно. У тех, говорят, такие фотоаппараты на спутниках – теннисный шарик из космоса на земле снимают. Да что шарик – плюнул не там, где положено, или еще чего сделал, – все видят, все засекают. Техника!

– Ты гляди, чудеса и только! – удивлялся отец. – Неужели они на самом деле такие «зоркие»? Так и сглазить могут янки! Вот же сучье семя! Сколько живем, столько от них одна пакость исходит. Никогда к нам с добром не приходят. Так и норовят, так и норовят какую-нибудь гадость против нас сотворить. То холодную войну начали, то гонку вооружений. Теперь вот решили исподтишка за нами наблюдать. А я на днях самогонный аппарат на огороде закопал – про закон-то трезвый слышал, который Горбачев установил. Может, и меня они с этим аппаратом засекли?

– Не, батя, их такая отсталая техника не интересует! – со знанием говорил Мухин. – Они что интереснее высматривают.

– А что же интереснее? – полюбопытствовал старик.

– А то, чего у нас нет! – чуть наклоняясь над столом, шептал Мухин.

– Так как же они могут разглядеть то, чего у нас нет? – не унимался старик.

– Так это ж и разглядывать не надо – и так ясно. У любого спроси, сразу скажет! – самодовольно улыбался Мухин. – Все знают, хотя и государственная тайна.

– Да ты не темни, поясни толком! Вот умник еще! – уже злился старик. Чего же у нас все-таки нет?

– Порядку, батя, и хозяйственности! Дисциплины нет. Вот и разваливается все. Строили первый в мире БН, гордились, а в то же время рядом всю степь загадили, одного бетона застывшего вокруг, как дерьма, сколько наложили! Кучи и кучи! А сколько в землю закопали! Еще

бы один город можно было построить. А лесу – полтайги полегло. Но ведь на Мангышлаке он весь привозной, свой там не растет.

– Да, беда! – понимающе покачивал головой старик. – Заелись, слишком богатые стали. Помню, помню я Казахстан, будь он не ладен – степь да степь кругом. Едешь, едешь по тому же Турксибу: ни деревца, ни кустика на десятки километров. Только выжженная и безлюдная степь.

– Знаешь, бать, я одного сукина сына, как барана, чуть было не поджарил. Половую доску, пятерку, значит, зажег. Прямо рядом со строившимися домами. А почему?

– Действительно, почему? Он что, сдурел? Такое добро жечь!

– Транспорта не было, чтобы на новый объект перевезти. Да и грузить доски не хотелось! И так, – говорит, – привезут, когда сроки подождут! Мы в то время рядом работали, обвязку трубопровода заканчивали. Мы же монтажники из управления «Союзспецмонтаж». А они – генподрядчики. Это я потом на энергокомбинате осел, здание БН-350 ремонтировал, ну, и всякие там другие работы выполнял. А поначалу нас на многих объектах использовали. Так вот, подбежал я к поджигателю, когда увидел, что штабель досок загорелся! – Туши, кричу, а он смеется. – Еще чего, – может, одеяло принести!

В общем, сцепились мы с ним, да так, что я его в тот костер с пламенем до третьего этажа, чуть не бросил. Довел он меня. К голове кровь прихлынула. Ватник на нем задымился после того, как я его к огню подтолкнул. Резко выскочил гад, и за трубу, валялась неподалеку – хотел меня обогреть.

– Ты посмотри, сволочь какая! – воскликнул старик.

– Шустрый, видать, из зэков бывших. Их там много – на стройке-то! После зоны продолжают работать по специальности...

– Боже сохрани! – перекрестился старик. А говорили, комсомольская стройка. Да в такой компании и самому можно грех на душу взять!..

– Это еще полбеды! Хоть знаешь за что! А вот когда обогреют ради потехи, и поминай, как звали! Обидно! У нас одного прораба, ну ни за что в зоне по черепу железкой! Выражение лица не понравилось. И голос зычный. А как прорабу на стройке, особенно на высоких зданиях без голоса? В то время громкоговорителей не выдавали, а люди по многим этажам порой были расставлены. И там же – на одних объектах с нами – заключенные закладкой нулевого цикла под будущие здания занимались, самые тяжелые и трудоемкие строительные-монтажные работы выполняли. И надо же было нашему прорабу пройти мимо них и не так на кого-то взглянуть да еще огрызнуться. Шарахнули по голове. Жена и двое детей сиротами остались!

– Не, ни за что зэки не ударят! – возразил старик. – Там что-то между ними серьезное было. Или, может, в карты проиграли. Денег-то у них нет. Играть больше, как на чью-то жизнь, по большому счету, не на что. Разве только на ерунду какую.

– Не скажи! В прошлом году у нас одну из партии турнули. Сама секретарем парторганизации была, других уму-разуму учила. А себе на уме, стерва, оказалась.

– В каком смысле?

– А в том, бая, что в зону к «королям» ползала. За полсотни с каждого «сеансы» устраивала, раздевалась, ну, и прочее. На службе 350 рублей в месяц получала, а там за вечер не меньше! Вот сука!

– И впрямь, кусок мяса, а не женщина! – поддержал старик. – Такую б в сталинские времена к стенке поставили, прилепнули, как собаку!

– Так она же еще и членом партии, главой первичной организации была. А знаешь, что она на бюро горкома секретарю заявила, когда ее случай разбирали?

– Ну!

– Вы, говорит, меня зря срамите, товарищ секретарь горкома, сами-то тоже хороши. Мне женщины рассказывали, что вы триппером переболели – от моральной чистоты, наверно?!

– У всех присутствующих волосы дыбом встали, шум поднялся! А первый стал весь багровый, как помидор вот этот, – ткнув в помидор пальцем, – сравнил Мухин. – И чуть не зарычал от возмущения. Но та коммунистка, видно, из битых была, – улыбнулась и снова укусила:

– А у меня, между прочим, такой заразы сроду не было. Она в основном только у благородных дам, с которыми Вы привыкли общаться...

– Договорить ей не дали, выгнали из кабинета первого секретаря в приемную и без нее уже голосовали за исключение из партии. Вот такие дела!

– Не дела, а делишки! – Махнул рукой старик. – Вот при Сталине дела были!..

Почему-то именно теперь, глядя в иллюминатор, за которым таял, растворялся в дымке Мангышлак, все это вспомнилось Мухину. Выделилось из потока дат и событий, в которых «сварила» его сегодняшнего – серьезного и печального, чуть циничного, жизнь.

Сколько минуло лет. А вот живут же до сих пор в душе те годы, события и люди, населявшие их. Нет – нет, да и резанет, как по голой ступне, по живому ракушка памяти. А Мухину ничего не хотелось вспоминать. В Подмосковье, куда он переехал несколько лет назад после случившейся с ним беды, все было по-другому. Женился во второй раз. Вскоре родился сын. И, казалось бы, новые заботы, радости растопят его боль и печаль, залечат душевную рану. Но..., как видно, чудес не бывает! – с горечью думал Мухин, возвращаясь сейчас из командировки. Анестезия времени срабатывает только отчасти. Боль притупляется, как лезвие старого ножа, но продолжает резать душу на куски. А сейчас, когда зрение еще различало белый берег полуострова, эта боль жгла и мучила, как в самый первый раз...

Мухин попытался отвлечься, полистал свежий номер «Огонька», но не стал читать, понял, что не может. Положил журнал на колени, откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза.

Сразу, словно в объемном кино, предстала вокруг него совершенно другая картина. Маленький, вымощенный брусчаткой пятигорский дворик, весь засыпанный еще прямо пахнущими лепестками акации. Ворох белья возле порога их дома. Корыто на табуретах. Усталое, с кругами под глазами, лицо матери, кланявшейся этому проклятому корыту, в котором она стирала немецкие подштанники и исподние рубахи. Неподалеку – вечно жующий или играющий на губной гармошке веселый и добродушный Ганс – младший офицер, живший в соседней квартире. Она освободилась после того, как ее покинули Абрамовичи – их соседи. Говорили, что они хотели эвакуироваться, как и другие еврейские семьи, но не успели. Их вместе с другими еврейскими гражданами расстреляли за городом. Так сказала соседка тетя Дуся. А мать ее прогнала – нечего беду в дом закликать, у меня вон детей трое – кормить нечем, а ты с такими рассказами!..

Когда мальчик спросил мать, за что убили тетю Марусю и дядю Лейбо, она, выходя из себя, отшлепала его и запретила об этом говорить – мол, враки все это, не верь. Немцы ничего плохого нам не сделали. Вон, видишь, господин Ганс, только улыбается и шутит. Разве он тебя хоть раз обидел! Ганс действительно никогда не обижал Колю Мухина, даже угощал его галетами. Других немцев пятилетний мальчик видел только в окошко – на улицу его не выпускали – и ничего тогда еще толком не знал о них. В Колином дворике все оставалось почти как до войны – также ласково светило солнце, буйно цвела белая акация. И только не было тети Маруси и дяди Лейбо, которые угощали его конфетами и гладили по русой головке. Но зато на их месте появился господин Ганс, коверкавший русские слова и называвший Кольку кляйне-шельма. А гросс-шельмой он звал Колькину мать после того, как она опрокинула на господина Ганса корыто, когда он взял ее за руки, выше локтей и хотел притянуть к себе прямо на глазах Коли.

Мать потом долго извинялась перед господином Гансом, вытирала тряпкой ему сапоги, а он ругался на русском почти также, как другой их сосед – сапожник дед Фрол. Только отдельные буквы в словах произносятся по-своему, по-немецки. Ну да в этом ничего страшного не было, и Кольку это не пугало. Наверно, потому немцы и запомнились ему такими, каким был госпо-

дин Ганс. И Кольке казалось, что все остальное про немцев выдумывают. Но однажды в окошко он увидел как по каменистой, раскаленной солнечными лучами, дороге вели колонну босых и серых от пыли, пленных красноармейцев. На их лица было страшно смотреть: черные, обросшие многодневной щетиной, с кровоподтеками от жестоких побоев, перекошенные какой-то неизъяснимой болью. Женщины выскакивали из дворов и бросали им кто хлеб, кто сваренные вкрутую яйца, кто огурцы, несмотря на то, что женщиногревали плетками и травили овчарками шедшие рядом с колонной конвоиры.

Колька не видел, как заскочила в комнату мать, оторвала его от окна, в мгновение задернула занавески и, прижав Кольку и его сестер к себе, почти беззвучно и горько заплакала, запричитала:

– Ох, боже, да что же это делается! Да за что же нам наказание такое!

Вместе с матерью захныкали и девочки, а Кольке плакать не хотелось. Он вырывался из материнских объятий, чтобы лучше рассмотреть каждого шедшего в колонне красноармейца. Вдруг и его папка там. Но мать так крепко держала Кольку, что он не смог и с места сдвинуться. И тоже от бессилия заплакал вместе с сестрами.

– Что ты меня держишь? Я думал, может, папка среди пленных будет проходить, вот и смотрел в окно.

– Нет, не может там его быть! И не перечь матери! – Сухо, с какою-то не известной ранее жесткостью и злым огоньком в глазах ответила расстроенная всей этой картиной и поведением сына женщина.

А почему отца не может быть среди пленных, так и не сказала Коле. И он долго не мог взять в толк – что ее так раздражало в его поведении и вопросе.

В этот день они сидели голодные. Вареную картошку и лепешки мать бросила через забор в проходившую мимо колонну военнопленных. А на улицу выходить боялась. В полупустой комнате с двумя железными кроватями и комодом из дуба было тихо и невесело. Словно серая туча бросила тень на лица Колькиных сестер, обострила и очернила лицо матери.

Почему она все время старалась замкнуть нас в комнате, не выпускала со двора, не давала видеть все те страдания и горе, что заполнили наш маленький город, страну? – думал Мухин. – Почему она так боялась показывать нам правду, не позволяла даже думать о ней? Словно это была губительная и злая для ее детей сила. Не потому ли мы, оберегаемые материнским страхом и трепетом, потом и сами, став родителями, чувствовали в себе такую же или близкую к ней потребность – создать иллюзию, спрятать за ее «оболочкой» своих чад от опасностей! – Словно в колоколе, отдалось гулко в мозгу Мухина. – Кажется, тебя это не касается. Мать твоя была простая, но мудрая женщина – сохранила тебе нервы и здоровье в самые трудные годы. А что сделал ты? Об этом не хотелось думать. Мухин постарался отвлечься и попробовал перевести «стрелки памяти» с себя на отца, много пострадавшего в сталинских лагерях. Но что-то вновь и вновь возвращало его к одним и тем же надоедливым вопросам – что сделал ты, чтобы жизнь стала лучше? И лучше ли ты сегодня живешь? Свободнее, чем твой отец и другие соотечественники его поколения? По той ли дороге идешь? – уже мучавшим, и не дававшим ему покоя не первый день. Вот вроде бы и огромную цену за нынешнюю жизнь, и свободу заплатили во время войны и после нее. Каких мук стоило народу одолеть фашистских захватчиков, чтобы отстроить, поднять разрушенные войной города и заводы! А что он получил взамен? Сколько лет еще после войны его отец хлебал баланду и голодал в сталинских лагерях! Мать рассказала правду о нем только тогда, когда уже вроде бы наладилась мирная жизнь, и Николай стал старшеклассником. Молчать далее она не могла, так как дети все чаще интересовались судьбой отца, тем, кто он у них на самом деле. Ведь ни среди героев войны, ни среди погибших, пропавших без вести, его не было. А потом как-то уже летом 1956 года к ним в гости заехал незнакомый человек в телогрейке и с небольшим деревянным чемоданчиком в руке. Он сдержанно и сухо поздоровался, уточнил – те ли они Мухины, и передал матери

Николая записку от ее мужа. Она усадила гостя за стол, угостила чаем и, прочитав коротенькое письмецо, стала расспрашивать:

– Ну, как он там, жив, здоров?

– Да он, наверно, скоро сам к вам прибудет. Реабилитация невинно осужденных началась, не слышали? Так что ждите. Его под чистую, сняв все обвинения, должны освободить, грехов перед Родиной у него нет и не было. Это я за годы совместной изоляции хорошо понял. Так что ждите! А мне пора, тороплюсь домой, еще до Армавира добираться. Так что извините! – Гость встал, попрощался и вышел, как призрак, словно его здесь никогда и не было. И все же присутствие его Николай ощущал еще долго – перед мысленным взором то и дело всплывало изможденное и обветренное, обгорелое на южном солнце лицо, глубокие впалые глаза, с синими кругами под ними и коричневыми пятнами от бывших ссадин на скулах – следами побоев.

Месяца через два на пороге дома в Пятигорске появился и отец. Высокий, худой, как скелет, на котором, как на нашесте для огородного пугала, висел ставший слишком просторным плащ из серого габардина, выданного когда-то, как позже узнал Николай, отцу в качестве премии за какое-то техническое новшество. В довоенные годы он был талантливым инженером и изобретателем, работал в КБ на одном из воронежских заводов. Там сошелся с просвещенными и умными людьми, которым, как и ему, были не по душе насаждавшиеся в то время на предприятии атмосфера шпиономании и бдительности, практика слежки друг за другом и письменных отчетов о поведении и разговорах коллег по работе, которые требовал первый отдел. Однажды он отказался, что-либо сообщать о разговоре главного инженера завода Малышева с подчиненными, и за это вскоре поплатился. Потому, что в НКВД его молчание было расценено, как нежелание сотрудничать с органами и пособничество «врагу народа». Этот ярлык к честному имени главного инженера они прилепили после того, как возбудили против него дело по 58 статье за антисоветскую агитацию и еще по другой статье – за вредительство на производстве. Главный инженер пошел в застенки по известному делу специалистов-вредителей в промышленности. Показания, компрометиовавшие не только обвиняемых, но и других, абсолютно невинных сослуживцев, чтобы сфабриковать громкое дело о заговоре или что-то в этом роде, участия в подрывной деятельности промышленной партии, в то время умели выбирать. Одно из них стало роковым для отца Николая. Мальчик был совсем маленьким, когда к их дому ночью подъехал черный «воронок» и люди в штатском, легко взбежав по лестнице на третий этаж жилого дома для специалистов завода, резко и бесцеремонно позвонили в двери просторной квартиры Мухиных. А потом был многочасовой обыск, в ходе которого все в квартире инженера перевернули кверху дном. И ничего компрометирующего не нашли, однако отца увели с собой. С тех пор об отце не было ни слуху, ни духу. Николай его толком не помнил и, в первые минуты после появления в их доме в Пятигорске чувствовал себя несколько неловко, словно в комнату вошел не родной отец, а чужой, отдаленный от него годами заключения человек. Пятнадцать лет лагерей не могли пройти бесследно ни для кого. Постаревшая за это время и высохшая от переживаний и тяжелой работы мать при появлении отца тоже сначала вроде бы рванулась ему навстречу, потом, словно с вкопанными в землю ногами, встала на месте и, очевидно, потеряв последние физические и моральные силы, безмолвно опустилась на стул, стоявший рядом.

Отец мог прийти домой раньше. Но непредвиденные события, происшедшие в Степном лагере, где он находился в последние годы заключения, отодвинули срок его возвращения.

16 мая 1954 года в третьем отделении Степлага началось массовое неповиновение заключенных. В беспорядках приняли участие заключенные двух мужских и одного женского лагерных пунктов, расположенных на территории общей зоны и отгороженных друг от друга саманными заборами. На этой территории, кстати, находился хозяйственный двор, центральная база торгового отдела, склады продовольствия и вещевого имущества интендантского снабжения,

а также пекарня, механическая мастерская с кузницей, что имело немаловажное значение для характера дальнейших событий.

По данным на 10 июня 1954 года в Степном лагере содержалось всего 20698 заключенных, из них – 16677 мужчин и 4021 женщина. Это были люди более 34 национальностей, причем не только из СССР, но и из стран Азии и Западной Европы. Они отбывали в основном длительные сроки по обвинениям в измене Родине (14785), шпионаже (1202), терроризме (772), за принадлежность к партии троцкистов (57), вредительство (79), контрреволюционный саботаж (57), диверсии (192), участие в антисоветских заговорах (1140), антисоветскую агитацию (755), повстанчество и политбандитизм (1421), воинские преступления (10) спекуляцию (8), хулиганство (24), должностные и хозяйственные преступления (19) и так далее. Большая группа людей сидела в Степном лагере и по политическим обвинениям: 42, как белоэмигранты, 1233 – агенты иностранных разведывательных органов, 3439 – бывшие помещики, фабриканты, предатели и пособники фашистских оккупантов, 78 – из троцкистско-бухаринской агентуры иностранных разведок, 11144 – бывшие участники антибуржуазных националистических партий, организаций и групп, 377 – из числа церковников и сектантов, 850 – выселенцы и спецпереселенцы, 386 -иностранные подданные и лица без гражданства, 28 – военнопленные, 181 – интернированные.

Поразительно! – думал Мухин, как-то читая эти скупые, но весьма красноречивые цифры. Получается, что хулиганили и воровали в то время в нашей стране мало, больше шпионили, строили заговоры, боролись с Советской властью и партией большевиков, а в подавляющем большинстве наказывались судом, как можно было судить из отцовской статистики, за измены Родине. Выходило, что у нас не страна была, а рай для изменников. Изменник на изменнике, враг народа на враге народа... Зловещая мистификация, народофобия или паранойя стоявших у кормила власти в те годы И.В.Сталина и его окружения, а также их последователей? Эти данные Николай Мухин обнаружил в сундучке у отца гораздо позже – тот вел переписку со знакомыми, с которыми раньше отбывал заключение, делал запросы в различные архивы и правозащитные организации и собирал нужный материал, чтобы в будущем засесть за свои мемуары о лагерной жизни. Собственно, отдельные главы своей книги он написал. Но заняться вплотную работой над книгой у отца все не получалось – поначалу не хватало свободного времени, на работу инженером его не приняли, сказали, что он за время заключения потерял квалификацию, поэтому он работал простым плотником, строил дома. С работы отец возвращался усталый, потный и пропыленный. Ужинал и после этого, чаще всего, ложился спать. А вскоре он заболел – давали себя знать голод и холод лагерных бараков, тяжелая работа на казахстанском руднике. Врачи нашли у отца целый букет заболеваний. И много времени с этих пор он проводил в больнице. Поэтому долго еще не мог написать книгу о своем незадавшемся прошлом. Но Николай тайком от отца читал отрывки из его воспоминаний, да и по устным рассказам отца знал о нем уже многое, что значительно расширило его представления о реальной жизни и людях. Размышляя над этим, он уже всерьез задумывался над вроде бы простыми вещами и понятиями. Такими, к примеру, не умозрительными, как интересы государства и личности, о цене порядка в этом государстве, умении жить, подчиняясь определенным законам и обстоятельствам. Мухин нередко с горечью отмечал, как не однозначно все и в истории, и в жизни, совсем не так, как ему внушали в школе, на пионерских сборах и комсомольских собраниях. Многим казалось, что в ту пору забрезжила свобода. Но как позже понял Николай, до настоящей свободы было еще далеко. Однако иллюзия свободы все-таки для многих так и витала в воздухе. И в тот момент, наверное, с долей сумасбродства, многим казалось, что в который раз все рушится до основания, что настал момент «восстать из рабства». И именно тогда в «зонах», где отбывали срок скопом – и политические – во множестве, и уголовники, тоже настали новые времена, начались массовые восстания заключенных, о которых не любила сообщать официальная пресса.

Семен Петрович последние годы заключения провел в самом крупном, третьем лагерном отделении Степлага – одной из важных составляющих ГУЛАГа. Здесь вместе с ним за колючей проволокой находилось, как он высчитал, свыше пяти с половиной тысяч зеков, доведенных до отчаяния долгими годами мучений. Они были словно наэлектризованы сообщениями о смерти отца народов в марте 1953 года и слухами о том, что после этого все в СССР должно измениться, невиновных и оклеветанных должны вскоре освободить. Однако время шло, а людей после того, как отпустили на свободу первую партию заключенных, все еще не освобождали. Кассационные жалобы, просьбы разобраться по существу и исправить допущенные в ходе обвинения и следствия ошибки, посылавшиеся многими заключенными в различные судебные, партийные, советские и иные инстанции, где-то надолго застревали и не рассматривались или рассматривались медленно. Это вызывало недовольство. Масла в огонь подлили события, случившиеся в лагере 17 и 18 мая 1954 года. Тогда заключенные мужчины попытались проникнуть в женскую зону. Такое уже случалось и ранее. Но администрация решительных мер не предпринимала, тем более не было попыток создать огневую зону или зону прострела между лагерными пунктами.

В ночь на 17 мая группа заключенных разрушила саманный забор и проникла в женскую зону. Попытка представителей администрации, надзирателей и охранников вернуть нарушителей в свою зону оказалась безуспешной. Это удалось сделать лишь после предупредительных выстрелов из стрелкового оружия. Днем лагерное начальство по согласованию с прокурором лагеря установило между женским лагерным пунктом и хозяйственным двором, а также между вторым и третьим мужскими лагерными пунктами огневые зоны и объявило заключенным соответствующий приказ, означающий применение оружия в случае нарушения установленных ограничений.

Но в ночь на 18 мая 400 заключенных, невзирая на открытый по ним огонь, проделали проломы в саманных стенах и проникли в женскую зону. Часть группы нарушителей режима разошлась по баракам, но большинство собралось на хозяйственном дворе.

Для восстановления порядка в хозяйственный двор и женскую зону была введена группа автоматчиков, в задачу которых входило возвращение нарушителей порядка на место.

Заключенные забросали солдат камнями и палками, другими предметами, после чего был открыт огонь. В результате было убито 13 и ранено 43 заключенных, а 10 работников лагеря получили легкие телесные повреждения. Отец Мухина, увлеченный общим потоком данного события, тоже оказался на хозяйственном дворе. С единственной тогда мыслью – возможно, удастся попасть в помещение склада и раздобыть чего-нибудь съестного. Чувство голода никогда не покидало его, и желание поесть превратилось в подобие навязчивой идеи. Он и по возвращении домой еще долго не мог насытиться нормальной человеческой едой и настоящим хлебом, которые всегда жадно поедал и не терпел, чтобы во время обеда кто-то разбрасывал по полу хлебные крошки. Каждый раз напоминал – грех так поступать с хлебом. За него в лагерях люди порой жизни отдавали. Человека могли раздавить, как муху или пристрелить без всякой санкции прокурора или решения суда.

После первого ЧП в Степном лагере сюда поступило распоряжение начальника УМВД Карагандинской области полковника Коновалова о недопущении применения оружия. Воспользовавшись этим, заключенные разгромили следственный изолятор и штрафной барак. Угрожая расправой, заставили администрацию и надзирающий за ними состав служащих покинуть зону, захватили продовольственные и вещевые склады. И к тому же в знак протеста не вышли на работу.

Днем 18 и 19 мая 1954 года на стенах и дверях столовых появились воззвания, призывающие, как потом констатировали представители администрации лагеря, к действиям антисоветского характера и национальной розни. В такой ситуации заключенными было принято решение – подготовить обращение к администрации лагеря, в котором содержалось требова-

ние до приезда правительственной комиссии по расследованию случая применения огня по заключенным 16- 17 мая 1954 года не посещать территорию зоны работникам органов, а также снять огневые зоны.

Администрация лагеря дала положительный ответ на это обращение и сообщила о вызове правительственной комиссии. В свою очередь, предстояло избрать и лагерную комиссию для участия в расследовании событий 16 – 17 мая 1954 года.

Комиссия была избрана в составе шести человек – по два представителя от каждого лагерного пункта третьего отделения. В ее состав чуть не попал и С.П.Мухин, пользовавшийся среди заключенных авторитетом честного и справедливого человека. Но его на несколько голов опередил во время выборов солагерник Кузнецов, уроженец села Медяниково Воскресенского района Саратовской области. Русский, беспартийный, с высшим образованием, он тоже пользовался большим авторитетом в лагере. А до 1948 года работал агрономом райсельхозотдела Ростовской области. В зону попал после того, как его осудили по статье 58-1 «б» УК РСФСР на 25 лет. Биография вообще-то у него была не простая. Как свидетельствовали полученные позже отцом Мухина архивные данные, в мае 1942 года Кузнецов попал в плен. Находясь в Перемышленском лагере для военнопленных, вроде бы вступил в связь с зондерфюрером Райтером, по рекомендации которого в октябре 1942 года был назначен на должность коменданта лагеря русских военнопленных. Занимался их вербовкой для сотрудничества с немцами. Принимал участие в карательных операциях против советских партизан. Как один из организаторов и руководителей восстания в Степлаге с 16 по 25 мая 1954 года, 8 августа 1955 года Верховным судом Казахской ССР был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, замененной ему 25-ю годами исправительно-трудовых работ. Это по казенным бумагам. А на самом деле все было иначе, и Мухин-старший, лично знавший Кузнецова, говорил об этом деле, как о сфабрикованном. И в подтверждение своих слов позднее зачитывал сыну копию постановления Верховного суда СССР от 12 марта 1960 года об освобождении и полной реабилитации Кузнецова.

Вообще таких судебных ошибок и исковерканных судеб, отслеженных Мухиным-старшим на примере своих солагерников, было множество. Он собирал архивные справки и живые свидетельства о наиболее ярких и типичных личностях, с которыми свела его судьба в годы сталинских репрессий.

Мухин-младший тоже перечитывал их с любопытством и недоумевал – за что так невзлюбила Советская власть этих людей. В его памяти надолго сохранилось немало примеров, записанных отцом.

Шиманская Мария Семеновна, 1904 года рождения, уроженка города Ленинграда, русская, беспартийная, из рабочих. Образование высшее, по специальности экономист. В 1936 году Особым совещанием НКВД СССР якобы за троцкистскую деятельность была осуждена к 5 годам ИТЛ, из партии исключена, срок отбыла, после чего была направлена в ссылку в город Акмолинск. Работала там старшим экономистом на заводе «Казахсельмаш». И снова в 1950 году была арестована за антисоветскую агитацию среди населения. А в действительности позволила себе сказать правду о некомпетентности одного из чиновников, принимавшего не лучшие решения, касавшиеся данного предприятия. Осуждена по статье 58-1), часть 1 и статье 58-11 УК РСФСР на 10 лет.

Макеев Алексей Филиппович, 1913 года рождения, уроженец г. Чкалова, русский, из рабочих, образование высшее, до ареста работал преподавателем географии в средней школе. Осужден в 1941 году по статье 58-10 ч.2 к 10 годам ИТЛ. Осужден в 1947 году лагерным судом Степлага по ст. 58-10 ч.1 на 10 лет.

Список осужденных знакомых Мухина-старшего, вошедших в лагерную комиссию для расследования событий 16 – 17 мая и расстрела их товарищей, можно было бы продолжить. Но и этого достаточно, чтобы понять, что большинство находившихся в ту пору за колючей

провоолокой, никакими «врагами народа» ни были, в подавляющем большинстве их осудили по ложным обвинениям и годами незаслуженно мучили в лагерях, мало, чем отличавшихся от больших концентрационных лагерей, организованных гитлеровцами. И вот что удивительно, ловил себя на мысли Мухин-младший, похоже, первые ростки демократии, наперекор всему, появлялись именно в сталинских лагерях. Возможно, потому, что там людям уже нечего было терять, и они все видели без розовых очков советской пропаганды, ценили всех по заслугам, по реальной сумме положительных и отрицательных качеств, умению не терять оптимизма, преданности идее освобождения. В лагерях в ту пору начинали избирать своих представителей для решения общих вопросов, писать коллективные документы, обращаться в вышестоящие инстанции вплоть до правительства, что с годами стало нормой. Но весь курьез в том, что происходило это за колючей провоолокой. Не правда ли – своеобразная у нас история и «демократия». И от них никуда не деться, как не ходить ногам без туловища.

По судьбе отца Мухина эта история прошла не на шутку. Его вместе с руководителями восстания в Степлаге (голосовали же за включение в комиссию!) лагерное начальство, точнее следователь НКВД, хотел снова упечь лет на десять, чтобы вообще не увидел свободы и сгинул за колючей провоолокой. Но прокурор его поправил – времена уже не те, пора другими глазами на реалии жизни, в том числе даже на восстание в лагере и его причины, посмотреть. К тому же тогда в Степной лагерь прибыла республиканская правительственная комиссия во главе с генерал-майором Губиным и вслед за ней – представители МВД СССР и прокуратуры из Москвы: генерал-лейтенант Бочков, помощник Генерального прокурора Самсонов. Эта комиссия сумела достичь соглашения, заключенным были даны разъяснения о полномочиях правительственной комиссии, а также комиссии по расследованию событий 16 – 17 мая 1954 года. Был оглашен Указ Президиума Верховного Совета СССР и приказ министра МВД, прокуратуры и юстиции «О досрочном освобождении лиц, совершивших свои преступления до 18-летнего возраста и об освобождении инвалидов». Похоже, так начиналась эпоха милосердия. Но перемирие было не долгим. И об этом свидетельствуют не только личные наблюдения Мухина-старшего, но и копии архивных документов, которые он собирал после освобождения. Дело в том, что, если заключенные русские и восточные украинцы, а равно и представители целого ряда других национальностей вышли на работу с полной верой в законный исход дела, то западные украинцы и литовские националисты вместе с чеченцами и ингушами выходили на работу только с целью связи с заключенными рудника. Среди них был и работавший то с кайлом, то с тачкой в руках и отец Мухина, на которого снова завели дело.

Связь с основной массой заключенных осуществлялась через вольнонаемных жителей поселка, находившегося неподалеку от зоны. Целью дальнейшего противостояния, как сформулировано в официальных документах, была «борьба с советским строем и его карательной политикой». Но они же, как понял Мухин-младший, уточняли еще одну деталь, напрямую в этих формулировках с событиями не связанную. Но именно этот факт, судя по всему, дал толчок к новому противостоянию.

24 мая 1954 года из третьего лагерного отделения Степного лагеря для «разрядки обстановки» по указанию Бочкова, Губина и Самсонова были вывезены 426 человек в отделение Теректи, находившееся в 75 километрах. Стены, разрушенные накануне заключенными, полностью восстановили. Вернувшись вечером с работы, политические заключенные выдвинули требование вернуть вывезенных людей в лагерь, очевидно, полагая, что с ними хотят расправиться. Но наряду с этим были подняты и другие вопросы – о сокращении сроков приговоров и возможности свободного проживания в местах работы вместе с семьями, об освобождении семей из мест ссылки...

Сложно теперь, через многие годы, и опираясь лишь на архивные документы, составленные определенно с заданных позиций, оценивать дальнейший ход событий Мы, скорее всего, можем следовать лишь их явно тенденциозной логике. А в документах далее говорится, что

заклученные продолжали не подчиняться администрации, явно находясь под воздействием украинских националистов и уголовников-рецидивистов. Правительственная комиссия полагала, что с основной частью заключенных взаимопонимание достигнуто и задача состояла в том, чтобы найти способы борьбы с конспиративным центром восстания.

... Предполагалось, что сломить сопротивление заключенных удастся без применения вооруженной силы. И опять по радио, на собраниях и в отдельных беседах передавались разъяснения московской комиссии о том, что выдвинутые требования будут доведены до соответствующих инстанций и рассмотрены в законном порядке.

Разъяснялись также, в который уже раз, последние мероприятия партии и правительства по вопросам улучшения содержания заключенных в особых лагерях и изменения законодательных актов. Мухин – старший ежедневно слушал передачи по лагерному радио, в которых диктором передавались статьи на политические темы, выступления руководителей КПСС и правительства, обращения к заключенным о прекращении неповиновения и с призывами о выходе на работу...

Исполняющим обязанности начальника лагеря подполковником Рязановым и заместителем начальника лагеря по политической работе полковником Олюшкиным был составлен план политико-воспитательной и культурно-массовой работы, в котором предусматривалось доведение до заключенных решений партии и правительства, улучшение работы клубов, библиотек, творческих самодеятельных коллективов, организация спортивных игр, вопросы производственного обучения и повышения общеобразовательного уровня заключенных. Не было главного – сообщения об освобождении и возможности воссоединения с семьями.

Да, думал Мухин-младший, размышляя над этими событиями, ну, чем не отеческая забота о людях! Вот же лицемеры! И разве с ним самим и его одноклассниками, позже – коллегами на воле занимались иначе? Те же планы мероприятий! Та же самодеятельность. В одном разнице – отец и его друзья в ту пору оставались за колючей проволокой, а он – Николай и его одноклассники – по другую сторону. А вообще вся страна напоминала еще большой концентрационный лагерь с тотальной слежкой и воспитанием угодных власти людей-винтиков. Уже через много лет, будучи в отпуске на своей малой родине, Николай перелистывал страницы отцовских записей и искал закономерности в том, что случилось с его страной и народом, одними из первых провозгласивших идею борьбы за освобождение человечества и социальной справедливости, как общенациональную. Высоко взлетели в мечтах, – думал он, – и так плюхнулись! Как обмельчали и дошли до откровенного доноительства, хождения по трупам своих сослуживцев и соседей, сокамерников, обуреваемые животным страхом перед системой и желанием выжить в ней, наперекор всему. Да, цена за такое выживание для многих оказалась слишком высокой. И все это еще долго давало себя знать и в новые времена.

Но не будем забегать вперед. Читателю, очевидно, хочется узнать о том, чем же закончилось восстание в Степлаге и как это событие отразилось на дальнейшей судьбе отца Мухина. А потому продолжим наше повествование о тех уже отдаленных от нас и не всем известных временах. С 1 по 5 июня 1954 года продолжались массированные радиообращения к бастующим, которые говорили сами за себя и не требовали комментариев. Вот одно из них: «Заключенные третьего лагерного отделения, мужчины и женщины! Ознакомившись в течение семи суток с положением дел в лаготделении и условиями вашего содержания, я как начальник Главного управления лагерей МВД СССР, считаю, что повода для того, чтобы вести себя так, как вы это делаете, нет. За последнее время заключенным предоставлены льготы. Принят ряд мер, направленных на улучшение условий их содержания. Это правительственные акты большой политической важности, первостепенного политического значения. Они свидетельствуют о великой жизненной силе советского строя, о дальнейшем укреплении могущества нашего социалистического государства.

Эти важные политические документы говорят о величайшей заботе нашей Коммунистической партии и Советского правительства о вас, временно изолированных от общества, ваших жизненных интересах, ваших правах и вашем будущем...

Вы сами являетесь свидетелями проведения в жизнь таких важнейших правительственных актов, как освобождение в 1953 году более 50 процентов всех заключенных по амнистии, как введение зачетов рабочих дней, получения зарплаты и другого, а также являетесь свидетелями освобождения из-под стражи ваших товарищей по лагерю в результате пересмотра дел.

Следовательно, это не обман, что пытается вам внушить кучка дезорганизаторов, как Слученков и другие, а действительность.

Вместо благодарности нашей партии за заботу о вас вы поддались на провокации авантюристов и уже три недели учиняете беспорядок.

Небольшая группа хулиганов, вооруженная палками, железными тросами, ножами, запугивает вас – большинство честно работавших – и принуждает вас голосовать за демагогические резолюции, разыгрывать единодушие, они требуют продолжать неповиновение лагерной администрации, немедленного и в первую очередь пересмотра дел именно только заключенных вашего лаготделения, снижения сроков наказания всем осужденным на 25 лет, введение зачетов рабочих дней до 5, оплаты труда наравне с вольнонаемными рабочими и приезда в лагерь члена Президиума ЦК КПСС или секретаря ЦК КПСС.

Для них никакого авторитета не существует.

Комиссия Бочкова, Губина, прокурора Самсонова, видите ли, обманула их, оказывается, тем, что заделала силами самих заключенных сделанные дезорганизаторами проемы в женскую зону и хозяйственный двор и хотела тем самым обезопасить вашу коллективную ответственность за возможное расхищение материальных ценностей, которые хранятся на складах.

Уверены ли вы, что ценности, ответственность за охрану которых вы морально взяли на себя, в безопасности? Безусловно, нет. Вряд ли Слученков, Иващенко и другие им подобные заработали своим честным трудом средства на папиросы «Дюбек», «Казбек», которые они ежедневно курят, как высокооплачиваемые работники.

Они кричат о незаконности в лагере, о произволе, за который при установлении прокуратурой Союза виновные понесут наказание, а сами грубо попирают статью 127 Конституции СССР, которая гласит: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту, иначе как по постановлению суда или санкции прокурора»...

Комиссия МВД и Прокуратуры СССР не хочет жертв, как об этом твердят авантюристы. Поймите, что мы являемся представителями нашей Коммунистической партии, задачи которой состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества, воспитывать членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укреплять оборону Советской Родины от агрессивных действий ее врагов.

Мы считаем своим коммунистическим долгом проводить в жизнь линию нашей партии о законности, о советском гуманизме, о котором А.М.Горький писал: «Пролетариату человек дорог. Даже тогда, когда человек обнаружил социально вредные наклонности и некоторое время действовал как социально опасный, его не держат в развращающем безделье тюрьмы, а перевоспитывают в квалифицированного рабочего, полезного члена общества. В этом твердо установленном отношении к «преступнику» сказывается активный гуманизм пролетариата, гуманизм, которого никогда нигде не было и не может быть в обществе, где «человек человеку – волк»...»

Что верно, то верно, размышлял Мухин-младший, читая этот документ из отцовского архива, найденный им в большом чемодане на чердаке среди других отцовских бумаг. Дей-

ствительно, такого, похоже, «никогда нигде не было и не может быть». Его особо умилял прием классика советской литературы, когда он слово преступник брал в кавычки. Видимо, тоже сомневался в том, что осужденные в годы сталинских репрессий были действительно виноваты перед Советской Родиной. Хотя видел и приговоры, и постановления, санкции – все, что соответствовало законности, установленной при тоталитарном строе, отличавшемся аккуратностью делопроизводства и отчетностью низовых звеньев власти перед высшими. О лицемерном содержании прочитанного Мухиным обращения правительственной комиссии к заключенным Степлага, как понял Мухин-младший, даже и говорить не приходилось. Тем более, что дальнейшие события в этом лагере были красноречивее всяких слов.

26 июня 1954 года в 3 часа 30 минут началась войсковая операция. В жилые зоны первого и второго лагерных пунктов и хозяйственный двор третьего лагерного отделения через трое ворот и семь специально подготовленных проемов были введены два дивизиона воензированной охраны Степлага и дивизион конвойной охраны войсковой части 3347. Это – 1600 человек, 98 служебно-розыскных собак с проводниками и 3 пожарных машины. Для разрушения баррикад и заграждений использовались пять танков Т-34. Руководил операцией заместитель начальника ГУЛАГа генерал-лейтенант Бочков....

По радио по-прежнему передавались сообщения, главной целью которых, как поясняло позднее лагерное начальство, было – предупредить возможные жертвы. Мухин – старший хорошо и надолго запомнил тот день. Танки сходу вошли через ворота в зону третьего лагерного отделения, разрушили баррикады и другие заграждения, возведенные заключенными, и обеспечили простор оперативным группам по блокированию жилых барачных корпусов. Оперативные группы действовали под прикрытием танков. Использовались ракеты, взрывпакеты, дымовые шашки, холостые патроны и собаки... Все это постепенно создавало атмосферу страха и даже ужаса для заключенных. При ликвидации беспорядков были арестованы 36 активистов, которые были преданы суду. 400 заключенных, состоявших на службе в «безпеке», охране, пикетах, отправлены в тюрьмы. Также отобрана была и отправлена для этапирования в лагеря Дальстроя и Озерный лагерь 1000 заключенных – 500 мужчин и 500 женщин, которые активно поддерживали бунтовщиков. Отец Мухина, нахлебавшийся лагерной жизни, в этих выступлениях практически не участвовал. Отказался, когда его и других заключенных из его барака подбивали на выступление. И уголовники, воспользовавшиеся ситуацией, чтобы еще сильнее «замутить чистую воду» и поживиться за счет других, даже избили его до полусмерти. На память о том наезде у него осталась резаная рана на спине. С нею он попал сначала в лагерную больницу, где местный фельдшер – такой же зек – в течение десяти дней делал ему перевязки и лечил. А потом, когда рана воспалилась и начала гноиться, по ходатайству того же фельдшера – в госпиталь.. Собственно, это и спасло Мухина-старшего от отправки в Дальстрой и еще большего затягивания срока его заключения.

Вообще тогда от самоуправства урок и других действительно антисоветски настроенных личностей, взявших в свои руки бразды правления, пострадало немало без вины виноватых и имевших собственное мнение о том, как им нужно было поступать. После операции были освобождены из тюрем, организованных радикально настроенными заключенными, 22 человека и обнаружено 37 трупов, 61 заключенный доставлен в госпиталь. 9 из них умерли, 54 заключенных, как понял Мухин из копий документов Госархива РФ, получили телесные повреждения и ушибы, но не госпитализированы.

Кстати, не только заключенные, но и 40 офицеров и солдат тоже получили телесные повреждения и ушибы в ходе той операции по умиротворению восставших в лагере. 1 июля 1954 года третье лагерное отделение Степлага было переведено на общий режим содержания в полном соответствии с инструкцией, объявленной приказом министра МВД СССР № 0190 – 1947 года. Восстановлены все льготы и преимущества, положенные по этой инструкции для заключенных, содержащихся в этом лагерном отделении.

Да, думал Мухин-младший, позаботились работники ГУЛАГа даже о льготах для таких, как его отец. Кто после этого будет возражать, что у нас не было заботы о людях и гуманизма!

В своей жизни он еще не раз мысленно возвращался к судьбе отца и тем событиям 1954 года. И всегда ощущал какой-то нервный холодок, достававший его до самого сердца из, казалось бы, уже далекого времени.

Много думал о свободе и несвободе человека, его поведении в экстремальных условиях, когда сволочи становились еще большими сволочами, а хорошие люди становились еще лучше. Хотя, случалось, что и положительные герои своего времени не выдерживали пресса обрушившихся на них гонений и превращались в жалкие подобию разумных и совестливых существ, которым Бог predeterminedил на земле особую роль среди всех других. И случилось же так, что вот теперь и ему – передовику производства и ударнику коммунистического труда – приходилось работать и создавать новый город и чудеса техники на той же земле, где отбывал свой срок и мучился в лагере его отец. Как замысловато все в жизни и непредсказуемо!..

Самолет набрал высоту. В салоне стало прохладно и тихо. Некоторые пассажиры, успокоившись после взлета и, выплеснув эмоции, уже задремали в удобных креслах. Мухину не дремалось. Его пробил легкий озноб. Боже, и зачем я только согласился на эту командировку! – подумал он. – Будто больше некому было. Возомнил себя незаменимым специалистом. Но если разобраться, то не хуже тебя цветные швы мог заварить на органике и Юрка – бывший ученик, – сам его натаскал. Да и конструкционную часть он знает неплох. За деньгами потянулся – двойная оплата? Может, и это. Но не главное. Вот говорят, убийцу обязательно на место преступления, как магнитом, притягивает. Но, видать, не только убийцу. Я ж никого не убивал и в смерти Оли и Ленки не виновен. Напротив, сам вроде как пострадавший. Но ведь тоже тянет, туда, где они...

Мухин не успел додумать, бортпроводница предложила ему минералку в пластмассовой чашечке. Он не отказался, выпил залпом. Вода была соленая, почти как в водолечебнице в поселке Ералиево, куда он раньше ездил попарить кости, залечить радикулит, старую травму. Заезжал на полчаса после работы с дочерью Олей, которую забирал из детского сада и позже – начальной школы. Домой она не хотела, и ему приходилось брать ее с собой. Девочку не останавливала даже тряская и вдребезги разбитая тяжелой техникой в некоторых местах дорога, покрытая густым пухляком. Сквозь запыленное стекло Оля с любопытством разглядывала древние, выветренные скалы, желтые и розовые мазары, мавзолеи для усопших. Они были почти сказочными, – отделанные как игрушки, причудливых форм – и во многом, на ее взгляд, выигрывали перед серыми и приземистыми домишками барачного типа, в которых жили в основном местные крестьяне казахи и многонациональное племя разведчиков нефти. Как-то дочь не вытерпела и спросила отца:

– Папа, вот ты строитель, скажи, почему для мертвых здесь строят лучше, чем для живых?

– С чего ты взяла? – удивился серьезности вопроса маленькой дочери Мухин, и попытался было увильнуть от него. Но, видя настойчивый взгляд дочери, сказал, подумав: «Пони-маешь, дочка, сложный это вопрос. Вроде все хотят лучше для живых строить. Да то времени, то денег не хватает. А бывает, что и совести. Люди разные. Но в основном хорошие. Ты это запомни. Видишь, какой красавец-город Шевченко выстроили на морском берегу. А ведь там пустыня была. И здесь у поселка пустыня. Но строят, конечно, иначе – временщики, геолого-разведчики. Сегодня они тут, а завтра – на другом месте, как перекасти-поле. Основательно-сти у них в строительстве и обустройстве своих поселков никогда не было, и нет. А мазары – это дело настоящих мастеров, которым местные крестьяне – верблюдоводы и овцеводы делают заказы за большие деньги. Вот они и стараются, не спеша, возводят мазары и мавзолеи, чтобы они вечно стояли, как настоящие памятники усопшим, произведения зодчества.

– Извини, пап, перебыю. – Но ведь и у твоего знакомого Тулебая тоже дом плохой – весь облезлый, а ведь он не нефтеразведчик, – колхозник-конеvod.

– Да, ты права. Правильно подметила. Видишь ли, местные крестьяне народ непрехотливый, к тому же в Аллаха верующий. Они жизнь на земле временной и непродолжительной считают, чем-то вроде испытания. Настоящая и вечная жизнь для них только после смерти начинается.

– Как это? – изумилась, широко раскрыла голубые глаза Оля.

– А вот так! По Корану – их учению – на земле им срок в несколько десятков лет отпущен, а на небе – если, конечно, кто туда попадет, – тысячи лет. Вот и стараются хоронить умерших в настоящих мавзолеях и мазарах – красиво строят, отделявают пиленным камнем, на купола наконечники с полумесяцем и звездой вытачивают фигурные.

Из-за таких вот разговоров с отцом, когда тот неторопливо и честно отвечал на вопросы дочери, она и любила ездить с ним. Да и вообще на машине по Мангышлаку интересно было кататься. Иногда они заезжали с отцом в такие места, где все было по-другому, не так, как рядом с городом, словно на другой планете. Олю поражал почти лунный пейзаж той же впадины Карагие, другие места полуострова. Отец много не говорил в такие минуты. Он выходил из машины и, поднявшись на какой-нибудь бархан, садился на него, опускал голову и о чем-то думал.

– Пап! Чего ты молчишь, – подбиралась к нему на четвереньках, боясь полететь вниз, Оля и садилась рядом, прижималась к его крепкому плечу.

О чем он думал в такие минуты? Теперь Мухин помнил как-то смутно. Одно ясно знал: какая-то непонятная тревога, словно гюрза, вползала тогда в его душу, и казалось, только шаг – до беды. Но чего паниковать? – успокаивал он себя. Чего тебе не хватает? Работа денежная, почетная, орден имеешь, квартира трехкомнатная, модный гарнитур, машина, дочка, жена! Жена!... – как в колоколе отозвалось в мозгу Мухина. – Ее-то как раз и не было. Вернее, она была – живая, женственная, но все-таки не та, о которой мечтал и которой так хотел!

Познакомились они почти случайно на пляже. Стройная, гибкая, осыпанная жемчужинами водяных капель, выбегала она, разбивая разноцветную гладь моря, на горячий песок и улыбалась от удовольствия и ради вежливости своим родственникам, отдохавшим невдалеке от Мухина. Тот любовался свежестью и красотой юной женщины, которая грациозной походкой проходила мимо него и словно посылала ему свои болюсы невидимой, но зажигательной энергии. Мухин испытывал их внутренний огонек, и ему хотелось резко встать с песка и подойти к незнакомке. Но он стеснялся ее родственников – мужа и жену. Они уже немного раздражали его своей неподвижностью – погода была прелесть, вода в море теплая, а чета два часа к ряду лежала под волновавшимся от легкого «афганца» – горячего и сухого юго-восточного ветра – тентом, цвета хаки, и не обращала на море никакого внимания. Мухину это было непонятно – как можно, лежа на берегу Каспия, не видеть его красоты, не восторгаться ею, не наслаждаться всей этой прелестью еще не знойного июньского дня? Не понимала этого, как показалось Мухину и их родственница – та самая стройная молодая женщина, приглянувшаяся Мухину и не раз пытавшаяся затащить этих тюленей в воду.

Но вот, покончив с книгой, вылез на свет божий тюлень-самец. Повел затекшими плечами и, бросив книгу на коврик, медленно направился к воде. Постоял с минуту на камне, словно на чьей-то большой и горячей голове и, видимо чувствуя, как она обжигает подошвы ступней, осторожно окунул одну ногу в прозрачную и искрящуюся воду. Потом ступил другой ногой и направился по пологому и мягкому от пушистых желтых водорослей дну к гряде валунов, похожих на былинных богатырей. За ними начиналась глубина. Понравившаяся Мухину молодая женщина стала тормозить своего знакомого-родственника, ликуя от того, какая теплая и чистая вода. И через минуту они бежали по направлению к валунам, разрывая своими ногами легкие, гладкие волны. Мухин встал с песка и пошел к воде. Спокойно и уверенно.

Дошел до гряды и на глазах молодой женщины красиво нырнул с черного, лоснящегося валуна под воду. Проплыл под ней метров тридцать, словно большая и сильная рыба, – плавал он хорошо, – вылетел над водой и пролетел над ней баттерфляем еще столько же, потом закачался в кроле.

А молодая женщина не умела толком плавать. Ее тянула к себе и пугала глубина. Как замороженная, смотрела она в море, на уплывающего вдаль Мухина. Когда он вернулся, пофыркивая от удовольствия, она мило и приветливо улыбнулась ему. А он в свою очередь спросил ее – чего не плаваете?

– Там глубоко! – с кокетством ответила она.

Ему это естественное кокетство понравилось. И она почувствовала, что нравится незнакомцу. Чета тюленей-родственников уже вернулась на берег и готовилась к завтраку. Мужчина достал из сумки темно-зеленую литровую бутылку портвейна. Откупорил пробку и налил содержимое в эмалированную кружку.

– На, Кать!

– Фу, убери эту гадость! Не можешь без нее!

– Ничего ты не понимаешь, после воды в самый раз, – не согласился тюлень-самец и забулькал, проглатывая бурую жидкость. – Во, теперь порядок! Можно загорать дальше.

Родственница и Мухин шли к их лежбищу, уже успели познакомиться.

– Эй, валяйте сюда! – пригласил их самец-тюлень. – Завтракать пора.

– Пойдемте, позавтракаете вместе с нами! – предложила Лена.

– Неудобно как-то! – Замялся Мухин.

– Да пойдемте, пойдемте! – Потянула она его за руку.

Вот так они и познакомились поближе. Жевали бутерброды, запивали сладковатым, дешевым вином. И разговаривали, разговаривали, словно не могли наговориться за всю предшествующую жизнь. Тюленю-самцу импонировало, что Мухин даже раньше его, как выяснилось в разговоре, приехал на строительство секретного объекта. Работал по шестому разряду сварщиком-универсалом, да к тому же и слесарить умел. Свой в доску парень. И Тюлень-самец сразу перешел с ним на «ты».

– Ты, я вижу, наш человек, парень что надо. А почему один?

– Да так, помялся Мухин.

– Понимаю! – заулыбался тюлень-самец. – Свободой дорожишь. Свобода – это, брат, хорошо! – сказал он с чувством, словно сожалел о чем-то большом и несбыточном.

– Ну-ну, разговорился!.. – стала одергивать, сразу подметившая эту интонацию в голосе мужа, тюлениха. – Что к человеку пристал? Закусывай, давай, а то уже красный сидишь!

– Фу ты! Ну что за мамочка! Слова сказать не даст. Слушай, Николай, а ты рыбалку любишь? Нет? Да ты ни разу, видать, на крупную кефаль не ходил. Ночью с огнем – у, как прёт, дура! – сама на острогу лезет! В прошлом году – вот таких (широко раскинул он руки) пять штук за час взял. Во, брат, скажу тебе, путина! И никакого рыбнадзора, наваливай, пока лодка выдержит. Ну и зрелище как в допотопные времена! Глядишь – факелы и мужики огненно-красные над фиолетовой с багровыми отблесками бездной моря, словно апостолы. Ух, аж дух захватывает. А рыбы, рыбы! Переливается чешуей в отсветах факелов. Живое чудо! Хочешь, сегодня в ночевку сходим?

Мухин как во сне слышал этот полубред тюленя-самца и с прищуром, чуть лукаво, смотрел на Лену. Она нравилась ему все больше. Он пьянел от ее свежести и близости, от раскованности и естественности – как ему казалось.

Тюлень-самец, уже слегка захмелевший, разлил вторую изумрудную литровку и, заметив состояние молодых, засмеялся.

– Что, влюбились сходу? А почему бы вам не пожениться? Ленка вон холостякует, и ты, как я вижу, один!

– Ну, Иван Сергеевич! – покраснела Лена, скажете тоже. Первый раз увиделись, а Вы сватаете...

– А какая разница! Я вот за своей контрой два года ухаживал, изучал как под микроскопом. А что толку! – в это время жена шлепнула его ладонью по полной и широкой спине.

– Вот видишь, тиран в лифчике! – попытался сострить он и получил уже более внушительный шлепок.

– Ладно, ладно, извиняюсь! Беру свои слова обратно. Но тебе, брат, скажу, жениться надо сразу – как понравилась, так и лови! Сдружитесь, притретесь потом.

– Пойдемте лучше купаться! – вставая, предложил всем Мухин и, не дожидаясь компании, направился к воде.

– Вот, деятель! – кивнул ему вслед тюлень-самец, – знает меру! А я думал он проще! Не, Ленка, не выходи за него. Горя не оберешься потом.

– Да ладно тебе, дядь Вань, чего зря каркаешь.– Обиделась Лена, встала и пошла вслед за Мухиным.

– Фу, фу, фу! – закривлялся ей вслед тюлень-самец. И выпил еще полкружки. Икнул, почувствовав, что больше не идет, и склонился на бок, подкатываясь к самке – тюленихе.

Мухин дошел до гряды, сел поверх валуна, обнял колени руками и положил на них сверху подбородок, засмотрелся вдаль.

Из-за кривой линии горизонта, где море и небо сливались воедино, как из другого мира, выплывал еще смутно вырисовавшийся корабль.

– Из Махачкалы, с бензином, наверно, – подумал Мухин. – Низко сидит танкер. Он не успел догадать, как почувствовал, что кто-то подходит сзади и почти одновременно – прохладные, щекочущие брызги на спине, но не подал и виду, сидел неподвижно.

– Не скучно? – спросила Лена, – чего уединились?

– Хорошо здесь, о какой скуке может быть речь? – улыбнулся Мухин. – Вон поглядите, как корабль из-за горизонта выходит. Видите? Дух захватывает от простора и свободы. Только на море их и ощущаешь в полной мере.

– Да Вы поэт! – засмеялась Лена. – И впрямь хорошо, я в первый раз на море, не могу насыщаться всем этим.

Он понял ее, и уже ничего не говоря, снова заморожено смотрел на девушку. Потом словно очнулся:

– А знаете что, предложил после паузы, давайте доплывем вон до того камня! – показал он на большой белый зуб, торчавший из воды.

– Я же говорила, что не умею плавать! – заупрямилась она.

– А я Вас научу. Да здесь и недалеко, это только кажется, что до него плыть и плыть. За грядой сразу вымоина – метров десять, а потом снова дно – скалы подводные, можно идти по ним и все разглядывать под водой. Посмотрите, какая она прозрачная.

Вода, действительно, была на удивление прозрачная, такая, что видно было бычков и кильку, шныряющих в ее толще, причудливое, с щербинами, трещинами и вымоинами, дно, усеянное в углублениях мелкими ракушками, а по поверхности скал – покрытое мягким ковром из желтых водорослей.

– Живой аквариум! – воскликнула Лена.

– Море! – уточнил Мухин многозначительно.

– А акул здесь нет? – игривым голосом спросила Лена.

– Здесь нет. Вымерли.

– А что, разве раньше водились?

– В Сарматском море. Помните, из него образовались Черное море, Каспий и Арал?

Лена любила в школе географию – давалась легче, чем математика или физика, – да и интересно было помечтать про далекие путешествия, побывать где-то хоть мысленно, но о том, что в Сарматском море водились акулы, не помнила.

– Чудно как-то получается. В Арале и Каспии вымерли, а в Черном море остались. Напутали, наверно, ученые.

– Да нет, точно. Подтверждения есть. Про Карагие слышали? Впадина самая глубокая в Советском Союзе, она вон там – показал он рукой на северо-восток в сторону города, поднимавшегося белоснежными глыбами домов над серым горбом возвышенности. За городом. Тридцать км отсюда. Так вот там карьер есть – урановую руду добывают. И что бы Вы думали? Недавно ребята там скелеты акул откопали. Сохранились превосходно. Сам видел! Целое кладбище акул. Зачем-то они сплывались в это место и потом погибли.

– Может, они сюда умирать приплывали! – высказала гипотезу Лена.

– Загадка истории. Никто пока точно не знает, откуда и почему здесь в пустыне взялось кладбище акул. А домыслов разных много. Народ у нас богат на фантазии. Чего только не придумают.

– Вот здорово! – изумилась Лена. – И можно на этих окаменевших акул посмотреть?

– А чего же нельзя? Давайте как-нибудь махнем туда – дизель регулярно ходит.

– Интересно!..

– Там и горный хрусталь – друзы целые – в отвалах попадается. Вот у вас в колечке камушек-аметист, взяв руку Лены, чуть поднял ее к солнцу Мухин. – Так это капля, и то, как сияет! А друза при свете – как гора камней, кристаллы настоящие, природные! Каменная симфония и только! Вы такого нигде не видели.

– Посмотреть бы» – с явным интересом почти прошептала она, думая о чем-то своем.

– Да у меня этих друз полным-полно! Целый мешок! – Похвастался Мухин. – Правда, пока в кладовке держу, некуда поставить, да и не для кого. А вообще камни сильно люблю. Глядишь на них – целый мир перед тобой. В каждом свой, каждый по-своему и говорить научился. А когда – бог его знает – вот это и интересно – загадка. Магия настоящая.

– И деньжищ, наверно, больших стоят эти камушки? – высказала неловкое и неуместное для такой атмосферы предположение Лена.

– Ну, это уже банально! – отмахнулся от ее вопроса Мухин и неожиданно нырнул под воду.

Лена только ахнула, видя, как он резко перевернулся с валуна, и исчез в глубине. И радостно воскликнула, когда он через мгновение вынырнул из воды: весь визуально искривленный ею, подплыл к тому месту, с которого только что соскользнул, держа левую руку над головой.

– На память! – протянул он кулак Лене, – это тебе на память.

Лена, не глядя, приняла из его прохладной и мокрой ладони плоский камушек с замысловатым рисунком и когда раскрыла свою ладошку, вскрикнула от радости:

– Ой, какая прелесть! Я из него медальон сделаю.

– Талисман! – посоветовал Мухин. – Пусть хранит тебя от всех бед!..

Вечер они провели в молодежном кафе «Парус». Разные о нем ходили слухи – мол, шпана собирается, злачное место. Но Мухин на это не обращал внимания. Там он был завсегдаем и в случае чего, у него нашлись бы защитники. А вот Лена в такую «малину» ни разу не окуналась. И в глубине души он строил свои планы насчет нее, хотел оглушить мангышлакской экзотикой, удивить и покорить своей щедростью. Когда они пришли туда, свободных мест, впрочем, как и всегда, не было. Но знакомая официантка Люда все устроила за червонец сверху. Поставила пару стульев к «дежурному» столику.

Лена ничего против этого не имела, но про себя заметила – денежный парень, не жадный, да зря красненькими разбрасывается.

Мухин словно почувствовал ее мысль.

– Ты зря чего не подумай, не ворованные деньги, трудовые. Хочу вот «Жигули» взять, да все лишнюю тысячу не наскребу. То на одно, то на другое деньги потрачу – круговорот жизни.

– Часто здесь бываешь?

– Да так, от скуки и одиночества!

– А здесь уютно! – оглядываясь, оценила обстановку в кафе Лена и сжала губы, боясь показаться совершенно неопытной – деревенской простушкой.

– Да, мне здесь нравится. – Согласился Мухин, улыбнувшись своей спутнице. – Коньяк, Шампанское? Лучше коньяк, не дожидаясь ответа, предложил он и наполнил рюмки.

– Ой, это ж крепкое! – всплеснула руками Лена, – опьянеем сразу.

– Да ну, ерунда, попляшем, и все пройдет. К тому же берег моря рядом, можем выйти и подышать свежим воздухом. – Успокоил Мухин. – Давай за тебя! – Поднял он свою рюмку.

– За нашу счастливую встречу на солнечном берегу! За знакомство! – Торжественным голосом добавила Лена.

Мухин похвалил ее за такое уточнение и, обратив внимание Лены на бутылку коньяка с белым аистом на этикетке, заметил:

– А эта птица, как известно, счастье приносит, да и коньяк отменный.

– Так ты со смыслом его заказал? – довольно улыбнулась Лена. – Пригубила рюмку и про себя подумала – не коньяк, а самогонка натуральная, почти как у них в селе, в Тамбовской области. И чего мужики в этом напитке такого ценного находят? Но когда допила рюмку до дна, почувствовала, как приятно разливается по телу тепло. В такт с «Историей любви», исполняемой оркестром, с волнами светомузыки, выплывавшими с экранов, установленных на эллипсоидной сцене перед музыкальными инструментами. На небольшом пятачке для желающих потанцевать, пока никого не было – еще не вошли в кондицию и не наговорились за столиками. К тому же вечерняя публика только прихлынула, и неторопливые официантки не успевали всех

обслужить. Поэтому поужинавших и танцевавших после нескольких рюмок коньяку или бокалов вина можно было сосчитать по пальцам.

В углу, рядом со сценой, за сплошь заставленным закусками и бутылками столом, сидела уже шумная и подвыпившая компания молодых мужчин. Среди них – несколько кавказцев, часто поднимающих бокалы и произносивших тосты.

– Ты гляди, как гуляют! – кивнула в их сторону Лена – Наверно, деньги некуда девать! И что за интерес вот так, одним мужикам, без девчонок гулять?

– Не торопись с выводами! – Уточнил Мухин. – Это ОРСовские ребята, видно, очередную сделку провернули, вот и гуляют. Небось, из Узбекистана пару вагонов яблок пригнали – там они копейки стоят, а здесь за хорошие и длинные рубли загнули. Они в Шевченко деньги делают. Ловкачи! Наши русские так не могут. А подружки их еще пока красятся, под занавес этого вечера появятся. У них свой регламент.

– Странно! – Удивилась Лена. – Совершенно не понятно, почему здесь так принято у девчонок по занавес приходить?

– Так это, какие девчонки – веселые, они тут парней и мужиков только снимают, потом на квартиры везут и там продолжают гулять до утра.

– Потаскухи, что ли? – Неловко спросила и почему-то вдруг покраснела Лена.

– Да что-то вроде того. Но у каждой свой дружок среди этих имеется, со всеми подряд они не гуляют. Нашли денежных ребят и присосались к ним, как пиявки. Пока не обберут, не отстанут. Правда, похоже, у этих кавказцев деньги никогда не заканчиваются. Как потратят, новые дела проворачивают. Вот живут, не то, что мы, простые работяги! Карман у каждого тугой, посмотри, как важно сидят!

– Да, – согласилась Лена. – Заметно, что с гонором ребята, все из себя супермены. Уверены в себе.

– Даже чересчур! – С недовольством заметил Мухин. – Наглые, как негры. – Вон тот, что с бородкой и в кожаном жакете, похожий на журналиста или писателя, пивом торгует в стекляшке у пирсов. А другой – развозит пивные галлоны. В день имеет не меньше двух сотен – волшебник.

– Да ну! За такие деньги у нас в колхозе целый месяц горбатиться нужно!

– Вот тебе и ну! Чешское пиво тут большим спросом пользуется. Они его разбавят вдвое, затем ведрами продают. Из кружек-то распивать рядом с машинами, с которых продают пиво, санэпидстанция запретила. Боятся инфекции без смыва. А им – торгашам – это только на руку. Где б и когда еще так руки погрели? Мужики-то наши, хоть что, выпьют. Толпой к машинам, с которых пивом торгуют, валят, давят друг друга. Недовольным вкусом пива и слова не дают сказать, побить могут. А эти микробы, показал он на кавказцев, только рады. Пользуются суматохой.

– Жлобы! – Высказала свое мнение о продавцах пива Лена.

– Хуже! Паразиты! – Уточнил Мухин. – Только не вздумай об этом сказать им, зарежут. Видишь, какой кодлой держатся. Как волки в стае. Только тронь, порвут!..

– Может, пойдем отсюда? – Встревожилась Лена. – Еще пристанут к нам!

– За это не волнуйся. Тут законы уважают и меня знают. Никто не тронет. Вон, видишь, – за тем столиком – из нашей фирмы ребята. Тоже не лыком шиты, если что, раскидают этих!

– Да что же за удовольствие – сидеть и ждать выходок дурной публики и еще деньги за все платить! – Недоумевала Лена.

– Адреналин! Без этого тоже неинтересно. Тут свой мир, свой космос и свой уклад. Пойдем, потанцуем! – Предложил Мухин.

– Да никто еще не танцует. Может, позже?

– Ладно! – Согласился Мухин. – Тогда еще по рюмке что ли?

– Да уж сам коньяк пей, я лучше немножко шампанского выпью.

– Можно и так! – Согласился Мухин, и стал отворачивать серебристую головку у поблескивавшей разноцветными бликами бутылки. – Я тоже не прочь шипучки выпить. Благородный напиток.

– А ты не увлекаешься этим? – Шутливым тоном спросила Лена. – Не алкоголик случайно?

– Я, – засмеялся Мухин, – да, алкоголик, когда жажда мучает и настроение ни в доску. Только вот руки не дрожат – швы после сварки под микроскопом и с рентгеном просматривают – ошибешься на микрон, заново придется шить. У нас сдельщина, так что сама понимаешь, работать только качественно выгодно и с твердыми руками.

– Ну, и шутник! – Засмеялась Лена. – Как это я сразу и сама не догадалась!

– Действительно! – Поддержал ее Мухин.

– А знаешь. – Тронула она его руку своими тонкими, полупрозрачными восковыми пальчиками. – «Жигули» ты обязательно купи. Тебе пойдет. У тебя лицо, подходящее под «Жигули». «Москвич» не покупай. Мужчина должен ездить на «Жигулях» или на «Волге». Чтоб престижно было...

Кажется, коньяк начал действовать. – Слушая Лену, подумал Мухин. – Сейчас начнет открываться мне, как бутончик розы. На разговоры потянуло. Это хорошо, быстрее лед отчуждения растает. Он налил полные фужеры шампанского. Поднял свой. Потом в упор посмотрел на Лену.

А она действительно не дурна, личико милое, глаза голубые, веселые, грудь высокая. Если приодеть немного – настоящая королева получится. – Думал Мухин, глядя на немного

смутившуюся от его смелого взгляда Лену. От предвкушения удовольствия пригубил немного вина и тут же причмокнул – Прелесть!

– Коля, можно я так тебя буду звать? Расскажи о себе!

– Да что рассказывать. Родился в 38-м в Воронеже. После ареста отца – он у меня репрессирован был по 58-й статье, за политику, как мать рассказывала, сам не любит об этом вспоминать, – подались мы на Северный Кавказ. Мать не хотела, чтобы мы из-за отца страдали. Через некоторое время после ареста отца получила от него записку, в которой он посоветовал развестись с ним, чтобы она и дети не пострадали. Сама знаешь, как тогда к таким, как он и их семьям, относились. Враги народа – клеймо тяжелое. Жен и детей арестованных и осужденных потом отправляли в ссылки. Мать любила отца и поначалу колебалась насчет официального развода, а потом, собравшись с мыслями, поняла, что муж дело советует. Развелась, якобы по собственному желанию, хотя в душе все это сильно переживала. Я-то в ту пору ничего, конечно, не понимал, а мать и шепот злобный и угрозы не раз слышала в наш адрес. Вот и решила – лучше от греха подальше. К тому же на Кавказе и прокормиться было легче в те годы. Это не то, что сейчас. Что ни покупаешь – рубль. Тогда совсем иначе жили, совесть была, друг друга так не обирали. Хотя и зарабатывали, как мать рассказывала, крохи одни.

Лена родилась после войны и совершенно не знала, как жили в конце тридцатых, начале сороковых. Поэтому молчала и только слушала, смакуя шампанское.

– Мать фельдшерницей работала. Знаешь, как медики получают. А на шее – трое – я да две сеструхи: старшая Надежда и младшая Людмила.

– Живы? – Как-то неловко спросила Лена.

– А куда ж им деться? Старшая за москвича замуж вышла – на курорте в Пятигорске познакомилась, она там поваром работала, а он отдыхал. Физик-ядерщик.

– Да ну, и что у них общего?

– А то, что тот тоже, как повар, свою «похлебку» варит. Только «посуда» у него побольше – реактор атомный. И знаешь, ему другой жены и не надо. Любит ее. Шибко умный. Правда, она его за глаза иногда дразнит: «физик-шизик», но это когда он психует, или она злая. А так они душа в душу живут. Потому, как он мужик с характером. А она покладистая, ублажает его.

– Представляю себе!

– Чего ты представляешь? Ничего ты не представляешь, не хуже других живут, как и многие в Москве.

– Но она-то любит его, счастлива? Или по расчету замуж вышла?

– А Бог ее знает, вроде любит и счастлива, а порой, вроде, и нет. Был у них пару раз в гостях – ничего не понял. Мы с ней то в театр, то в ресторан. И друзья, и подружки ее с нами. А он запрется дома, и все пишет что-то, пишет. Скука, одним словом. Хотя, надо понимать, – человек ученый, привычки к себе требует. Но я такой жизни не понимаю.

– А денег он много получает?

– Да нормально. Но вот у нас на БН – тоже физики, а ведь иначе живут, вращаются в обществе. Вон, видишь, за тем столиком с французом, – наше светило, мужик что надо. И голова – во! Большой человек! К тому же, что приятно, никакой черной работы не чурается, все своими руками сварганить может. Сам видел. Мастер на все руки! А здесь расслабляется. Мозги-то за неделю нагрузил, вот и разгружает.

Заметив взгляд Мухина, и сообразив, что парочка молодых людей говорит о нем, физик качнул головой, приветствуя старого знакомого. Что-то шепнул на ухо французцу, встал и направился к «дежурному» столику. Высокий, с пролысынами на голове и длинным носом, но молодой, он был чем-то похож на гусака.

– Добрый вечер, молодые люди! Отдыхаете? – по-свойски обратился он к Мухину и его подруге.

– Здравствуйте, Викентий Викторович! – Приветствовал его Мухин.

– Добрый вечер! – Присоединилась Лена. Она впервые видела живого физика-ядерщика, но старалась ничем не выдать своего интереса, чтобы не обидеть Николая. У них в деревне закон был – идешь с парнем гулять, держись за него, а то и наkostenяют могут, чтоб не баловалась и не стравливала ребят.

– Мухин, можно твою даму на танец пригласить?

– Так Вы у нее и спросите, может, не хочет.

– Позвольте! – Повернулся физик к Лене.

– Извините! У меня что-то голова разболелась. Давайте, в другой раз. – Охладила она пыл физика. А про себя подумала: ишь, какой прыткий, как его нейтроны. Наверно, после первого танца и в любви объясняться начнет. Нет! Пусть потерпит. С Николаем спокойнее. И она, дав понять, что менять свое решение не собирается, улыбаясь, глядела на Мухина.

– Жаль, извините! – Как будто о чем-то догадавшись, спохватился физик. Наверно, я вам помешал, старый осел. Не сердитесь, ради Бога! Ухожу, пойду, закончу беседу с коллегой.

Мухин, ничего не говоря, только развел руками: – как хочешь, мол, твое дело, меня это не касается. И ничем помочь тебе не могу.

– Пойдем, потанцуем! – Предложила ему Лена, когда физик отошел от них.

– Пойдем через минуту. А то обидится.

– А если я обижусь? – Спросила Лена.

Мухин не дал ей договорить, взял под локоть, и через мгновение они шли по узкому проходу между рядами столиков, расставленных в елочку, как здесь говорили – «змейкой» – по форме расположения строившихся домов рядом с кинотеатром «Юбилейный». Несколько десятиэтажек под углом составлялись в один архитектурный ансамбль. Отсюда и название – «змейка».

Они танцевали, как и другие, почти обнявшись, близко прижавшись друг к другу. И Мухин почувствовал приятное тепло, растекающееся, как ток, по всему телу от ладоней и груди.

Звучала песня о Тбилиси на грузинском языке. Солист ансамбля Славик – грузин – растягивал, как настоящий профессионал, приятным тенором слова песни. И ему подпевали музыканты.

Но вскоре песня закончилась, и Славик объявил, что для присутствующих в зале Ахмета и Дэги из Грозного он споет песню о дружбе на стихи Расула Гамзатова.

– Ну, все, началось! Теперь весь вечер будет им посвящен! – Недовольно прошептал Мухин и на ухо Лене. – Может, тоже заказать? Какая твоя самая любимая?

– Ой, только не это, зачем на себя внимание обращать! Пойдем, посидим. – Потянула она его к столику, чувствуя, как несколько человек и так уже оцупывали ее своими взглядами.

Привлекательная, сладкая, да не про вас! – Подумала она. – Но как бы не нарваться на дураков!

– Может, погуляем по воздуху! – Предложила Лена Мухину.

– Идея! – Обрадовался Мухин. – Вот только по фужеру еще и на улицу. Давай в гости к моим друзьям заглянем.

– А кто они такие?

– Да ребята хорошие. Здесь неподалеку живут. Им скучно дома одним. Вот и нагрянем, взбудрим их. Записи послушаем – Высоцкий весь в натуре у них – шесть кассет. Он, кстати, сюда приезжал, был в гостях у моих друзей.

– Ничего себе. Они его знакомые или родственники?

– Да нет, просто заядлые поклонники творчества Владимира Семеновича. Брали автограф, пригласили к себе в гости. Он не отказался, заехал.

– Так они семейные?

– Ну, да. Муж и жена – Серега и Танька – свои ребята. Хата у них трехкомнатная, просторно, детей еще нет. Живут пока в свое удовольствие. Танька здесь рожать не хочет, говорит, дети крупные получаются, не разродится. А Серега о сыне мечтает. Во всем остальном у них прядок. Ну, так как?

– Да неудобно как-то! Ни с того, ни с сего! Что обо мне подумают? – Лена, говоря это, наблюдала за девушками, появившимися возле столика рядом с шумными ОРСовцами. Они стояли возле декоративной рыболовной сети со стеклянными поплавками и золотыми и серебряными рыбами, и говорили о чем-то своем, словно не обращая внимания на парней. Потом одна из них подошла к кучерявому, с бородкой, азиату и обняла его за одно плечо, что-то шепча ему на ухо.

Он подвинулся и она села рядом с ним, обняв одной рукой, как парижская куртизанка. Пошептала, пошептала ему на ухо и, видимо, договорившись о чем-то, вернулась к своей подруге. Вместе они вышли в бар.

– Дешевки! – Провожая их строгим взглядом, сказала Лена.

– Кто? – Сразу не понял Мухин. А взглянув туда же, куда смотрела она, согласился:

– Да, проститутки местные. Хотя, говорят, в Советском Союзе проституции нет. Но тебе-то что до них? У них своя жизнь, у нас – своя. И вотще, Леноч. Пора тебе привыкать. Здесь не село, не Тамбовская область, а молодежный город, нравы другие, проще.

– Что ты имеешь в виду, с чем именно здесь проще? – Сказала она полушутя, полусерьезно – так, что нельзя было понять, какое у нее к этому отношение.

– Ну, как тебе объяснить? – Свел брови Мухин. – Раскованнее здесь, что ли, не такое ханжеское отношение к жизни и интиму, как на большой земле. Да и вообще здесь многое по-другому. Вот у вас на родине уже спят сейчас, наверно? А здесь до двух часов ночи жизнь кипит. И никто никому не мешает, никто никого не осуждает. Принято так. Понимаешь?

– То-то я вижу, – такие зеленые девчонки, а уже по значным местам шастают. – Кивнула она в сторону девиц, сидевших за многими столиками не только со своими сверстниками, а по большей части, с мужчинами среднего и даже пожилого возраста, обрюзгшими и пузатыми.

– Тоже работают здесь в качестве obsługi.

– Мужиков убажуют! – Категорично и с осуждением сделала вывод Лена. – Лучше бы на завод пошли работать.

– Да кому они там нужны? – Не согласился с ней Мухин. – Тут и мужикам из-за высоких заработков сложно устроиться. А ты про этих зеленых. Зеленые они внешне. А так уже битые птицы. Вон ту Трешкой зовут, а ту – Сорванцом. У них на ногах под юбками цены за их услуги выколоты. Приподнимут чуть-чуть, и показывают клиентам.

– Фу, какая гадость! – Вспыхнула Лена. Ты что, спятил, или пользовался их услугами? – Спросила она как-то уж очень жестко, и колким взглядом вперилась в Мухина.

– Извини! Тебе такое слушать неприятно и срамно, как я понимаю. Непривычно. А тут к этому привыкли, все об этом знают. И никто не удивляется.

– Пойдем отсюда, мне здесь не нравится!

Выйти из зала можно было только через бар. И, когда они вошли туда, то на несколько минут, задержались. Мухин попросил Лену присесть с краю за баром на круглый вращающийся стул, а сам на минуту зашел в туалет. Лена, ожидая его, услышала обрывок разговора девиц, которые несколько минут назад подходили к кавказцам и азиату. Теперь они сидели к Лене спиной и не обращали на нее никакого внимания. Разговор почти ошарашил ее своим цинизмом:

Слушай, а тебя муж не ревнует?

– Не – а! – Нараспев отвечала черноокая, с косинкой глаз, девица, тело которой было едва прикрыто полоской мини-юбки и полупрозрачной, розовой блузкой без рукавов. – Он сам меня посылает. У нас полный консенсус в этом вопросе.

- Да ты что?! Офигеть!
- А что? Он ведь понимает, не по-настоящему это.
- Но как ему не противно?
- А что ему должно быть противно? Я же с этими придурками не сплю.
- Но ты же с чужим мужиком в постель должна лечь. И как бы рога ему наставить!..
- Фи, вот глупая! Да ничего подобного. Вот с такими обормотами, да в постель, а вот этого они не видели? – Вывернула она кукиш перед лицом подружки.
- Однако же ты к ним так и липнешь! – Не первый раз вижу, вон только что на колени к Сайхану садилась.
- Да это же для игры.
- Ох, Зинка, доиграешься! Они шутить не любят, отрежут тебе что-нибудь от нежного места. Или утопят в море.
- Не – а! – Опять, полу смеясь, явно бравируя, нараспев протянула девица, сидевшая ближе к Лене на таком же вертляво-шарнирном стуле у стойки бара. – Все продумано. У Костика светлая голова. Не зря же физик, наперед сто ходов знает, как его ЭВМ. Он честно играет, как в покер, и выигрывает на все сто. Так, что у проигравшего и обиды не остается. Как говорится, и волки сыты, и овцы целы.
- Это как?
- А вот так! Думать надо! – Заинтриговала свою подружку Зинка.
- Не понимаю. – Напрягая все свое воображение, недоумевала любопытная девица.
- А у нас вот как. – Похвалилась Зиночка, оглядывая с ног до головы подружку. – Прихватываю я пару мешков, то есть денежных мужиков. Мешками их Костик зовет. Приглашаю к себе, меня-то они не впервые видят. А про мужа, как правило, не знают. Даже если и знают, что он у меня есть, особого значения этому не придают. Смелые мужики, к тому же. Я – приглашаю. А для них желание женщины, когда это выгодно, конечно же, закон. То есть повод, если что – то моему Костику морду набить и из квартиры вышвырнуть, заставить, хоть на время подышать свежим воздухом.
- Да не тяни! Рассказывай по делу.
- Ну, так вот. – Смаковала свой рассказ Зинка. – Значит, привожу я мешков к себе домой. Костик приветливо их встречает. И, между прочим, уже в прихожей предупреждает:
- Ой, Зинуль, посидел бы с вами, соскучился по гостям, да и выпить не прочь, но на работу – в ночную смену, как назло! – Лапшу, значит, этим мешкам вешает на уши, расслабляет их.
- Зачем? – Не поняла подружка.
- А затем, чтобы сразу чего не выкинули, не разошлись.
- А!
- Два! – Передразнила ее Зинка и затянулась сигаретным дымом. – Так вот, потом включает музыку, приглашает ребят за столик в уголке и говорит:
- Надеюсь, вы люди порядочные, рад познакомиться, за что и выпью рюмку. Пьют. В это время я подхожу и говорю:
- А про меня забыли, на водку накинудись, вот кавалеры! Костик и мешки извиняются. Предлагают выпить и толкают тосты за мое здоровье. Вот тут и наступает решительный момент.
- Да неужели он тебя продает, кобель? Или ты им клофелина подливаешь?
- Ничего ты не поняла. Я кодекс уважаю. Здесь тоньше всё, на психологии держится.
- А!
- Бэ! – С явным превосходством и высокомерием еще раз покривлялась Зинка. – Я б и дня одного с сутенером или отравителем не жила. Пока цену себе знаю. И никому в голову не придет, что мы с Костиком живем душа в душу, я ему верная жена. Изменю только тогда, когда другого полюблю.

- Ой, Зинка, извини! А я о тебе такое подумала!
- Да уж вижу, не слепая. На твоём лице, как на телеэкране все написано.
- Ты только не обижайся на меня дуру.
- Да чего там! На больных грех обижаться.
- А с чего ты взяла, что я больная?
- Да это я так, к слову.
- То-то ж. Так что дальше у вас там происходит? Страх как интересно!

– А дальше Костик с мешками спорить начинает насчет того, кто больше выпить может он или они. Тут снова вклиниваюсь в разговор я и заявляю джигитам, что одна могу больше выпить водки, чем они вдвоем.

– Их это поджигает! – Догадалась подружка Зинки.

– Точно! Как рыбы на червя, так они на мою приманку клюют. Заключаем пари на кругленькую сумму. Играем на наличные. Я выставляю, и они в банк деньги вносят.

– И что потом?

– Что-что? Беру бутылку «Столичной» и через горло без закуски выпиваю. Потом сосу лимончик и еще одну. Это я могу.

– Да ты ж отравишься, так и помереть не долго.

– Не – а. Я перед этим стакан свекольного сока на кухне выпиваю и большую ложку сливочного масла съедаю. Это рецепт разведчиков, которым они в войну пользовались, когда много выпить надо было, и не запьянеть. Отец Костики научил. Он же у него бывший фронтовик.

– Помогает?

– Еще как. Они-то думают, что я совсем уж после водки вдрызг опьянела, иду в туалет, качаюсь. А потом там рыгаю громко, чтоб слышали, думали, мне плохо. А я специально сразу после приема и своего выигрыша желудок промываю и клизму делаю. Неприятная, конечно, процедура, зато деньги какие в банке! Есть ради чего помучаться. Ругаюсь между делом, как сапожник. Они обычно, гады, в такие минуты ржут – смех их разбирает. А я себе на уме – думаю, смеются, значит, все нормально. Не рассердились, что проиграли пари. Деньги-то для них, как пыль. Хотя, бывает, и жадные мужики попадают. Злятся, но спор есть спор. Слово свое они держат, мужики! Честь для них превыше всего. А нам от этого не хуже! – Громко рассмеялась Зинка и вслед за ней вульгарно захохотала ее подружка.

Лену пробрала дрожь от такого рассказа, начало тошнить. А тут еще подошли и стали за спиной два молодых человека, дыша на нее перегаром, и пытаюсь шутить...

Она поставила на стойку чашечку с кофе, которое сама заказала у бармена, когда он приблизился к ней и спросил: «Что желаете»? Резко повернулась, сверкнув глазами на парней, и встала, не говоря им не слова. Словно они и не существовали.

Но парни решили все-таки поговорить с ней и не пропускали ее, продолжая шутить. А Мухин как провалился в своем туалете. Это ее стало раздражать.

– Пропустите! – Оттолкнула парней от себя Лена. – Чего наглеете?

Бармен из-за стойки сделал парням замечание:

– Ну, что там такое, что за дела, пацаны? Пропустите девушку!

Парни знали, что с барменом лучше не ссориться, тому стоит только свистнуть охране, как та будет моментально здесь и может намылить шею. Но Лена уж слишком резко повела себя с ними, и один из оскорбившихся парней поплелся за ней к выходу из кафе и на улице стал приставать:

– Девушка, ты мне руку сломала! Как теперь мне жить?

Но в это время плечистый парень с бородкой – приятель Мухина, вышедший следом, остановил его, положив крепкую ладонь на плечо.

– Все претензии ко мне. Могу и вторую руку сломать. Что тебя не устраивает в нашей обители?

Парень спасовал и вернулся в бар, несолоно похлебавши.

– Ну, и хамы тут! – Негодовала Лена, когда почти в ту же минуту рядом с ней появился Мухин. – И ты хорош, оставил меня одну! Пойдем отсюда быстрее, тошно.

– Прости! Я в туалете знакомого встретил, поговорили о наших делах.

– Тоже нашел время и место для разговоров с друзьями! Оставил меня в этой клоаке, тут мразь на мрази!

– Да не сгущай краски! Просто слегка подвыпившие ребята, познакомиться решили. Ну, что в этом такого. А ты Бог знает, о чем подумала. Рабочие парни с АТЗ, свои практически. Не преувеличивай!

– Ничего себе свои, да они меня обидеть хотели.

– Отошла бы вежливо и все. А если они, действительно, шустрые, мы их быстро успокоим! Не бери в голову! Здесь ребята дружные, и почти все – мои друзья.

– А ты сам на себя не надеешься? – Язвительно бросила Лена Мухину.

– Почему, не надеюсь? Надеюсь! – Сказал он с улыбкой на лице. Пойдем к морю!

Минут пять они шли, не разговаривая друг с другом, по еще дышащему теплом асфальту к спуску на набережную. Собственно, набережной, как таковой еще не было – только в проектах, – вдоль каменистого, шербоного берега пока тянулась одна узкая лента асфальтовой дороги, по бокам которой были установлены грибки, кабинки для переодевания и редкие навесы со скамейками, окрашенными в голубой цвет. Сейчас, в лунном свете, они были, словно вылитыми из серебра. Мухина они раздражали. Он привык к дикому, не окультуренному берегу и любил его в первозданном виде: с грядой частых, словно отполированных волнами, валунов в воде и сплошными, хаотическими нагромождениями белого и серого, в разноцветных пятнах лишайника, известняка, отваливавшегося от разрушающегося солнцем и ветром мыса Актау. Луна стояла высоко, большая, полная. Широко растекалась по чистому темно-синему небу тонкой акварельной паутиной невесомого света. А отражение ее падало и вытягивалось дорожкой из золотых и дробленных легкими волнышками кусков фосфорисцирующего живого стекла.

Казалось, что по нему из самой глубины вселенной, а не из Каспия, шла к берегу легкая, пахнувшая водорослями прохлада. Мухин подошел поближе к парапету, за ним – земля, а вернее, белый панцирь мыса, обрывался, и становилось немножко жутковато от высоты и такого коварного обрыва, но, в то же время, и просторно, как в небе птице. Создавалось ощущение парения, словно человек поднимался в воздух, а море и небо вокруг него сливались в одну стихию. И ничего, кроме луны, звезд не было рядом.

– Как хорошо здесь! – Вырвалось у оттаявшей на воздухе Лены. – Прелесть, посмотри. Какая яркая луна, в жизни такой не видела! Сейчас бы крылья и полететь.

Не успела она сказать это, как на фоне лунной дорожки появилась огромная черная птица, с немного изогнутыми крыльями, как у самолетов-хищников, которые она видела на обложке «Крокодила». И ей отчего-то стало не по себе.

– Кто это? – Спросила она у Мухина.

– Баклан или альбатрос, на ночную кормежку вышел или, скорее всего, возвращается после нее на берег с какого-то островка. Их вон там, – показал он рукой в море, – много. А возле них кильки навалом.

– Да ведь здесь у берега тоже рыбок много, я видела – косячками ходят – как живое серебро, то слева, то справа от тебя засветятся. Неужели им этого мало?

– Надоедает на одном месте, наверно. Да и неохота с одной мелочью возиться, там ведь часто целых рыбин, вот таких – развел руки, показывая размер, – на берег выбрасывает – кефаль, севрюги, для птиц настоящий пир.

– Кучеряво живут.

– А здесь почти все так. И люди тоже не исключение. Вот и бесятся. Пока на большой земле жили, каждую копейку считали, не пьянствовали и друг к другу иначе относились. А тут, гляди, – не только в море луна расшиблена – весь берег битым стеклом засыпан. Это сколько выпить надо было! Годами бьют – весь берег светится.

– Правда, Коль, сколько стекла-то! Я сразу и не поняла, откуда оно здесь. Думала, специально, для красоты посыпали.

– Да уж, это сейчас при луне весело смотрится, блестит. Днем – карикатура: загубили берег. А ведь в двух шагах, с ума сойти, красотыца какая! Дух захватывает! Строишь и понимаешь, не в одних деньгах счастье.

И что он за человек такой? – Еще больше оттаивая душой, слушая его слова, думала Лена. В «Парусе» ничем от других пьяниц не отличался, а здесь – как ребенок, восторг разливает, красотой морской и небесной не надышится. Словно на всё остальное ему наплевать. Но ведь не так!

Природу Мухин любил с детства. Когда учился в средней школе после войны, то с классом или гурьбой неорганизованных мальчишек и девчонок нередко ходил за цветами для мамы в горы. Рядом с Пятигорском они были пологие и невысокие, чем-то похожие на приплюснутые сверху холмы в форме мужских или женских фетровых шляп, которые были тогда в моде. Родители порой ругали таких «туристов» за их самовольные вылазки за город, так как на пустырях, в лугах и лесах, покрывавших предгорья, еще попадались неразорвавшиеся и не обезвреженные снаряды и мины, различное оружие, оставшееся со времен боевых действий. Мальчишки, конечно же, так и хотели с оружием побаловаться, пострелять, если находили тайком. Это было небезопасно. К тому же в лесах Северного Кавказа в ту пору пряталось немало бандитов и бывших прислужников немцев, которые так и норовили ударить в спину нашим воинским частям, истребляли представителей советской власти и партийных работников на местах. С ними вели борьбу специальные подразделения НКВД, но не всегда успешно. Отдельные бандформирования и бандиты просуществовали в тех лесах и горах, укрываясь в многочисленных расщелинах, пещерах и старинных сторожевых башнях до шестидесятых – семидесятых годов. Так что в горы и в зеленые чащи местные жители еще долго ходили с большой оглядкой. А бесстрашное племя пацанов ничего не боялось, и нередко забиралось в такие места, где на них запросто могли напасть бандиты. А ведь случалось, что в ту пору дети пропадали бесследно. Поговаривали даже, что их убивали и переваривали на мыло. И вот однажды во время одного из «рейдов» по горам километрах в пяти от Пятигорска стайка мальчишек, среди которых был и Коля Мухин, набрела на двух раненых бандитов. Увидев ребят, они сначала попытались спрятаться в кустах, но когда поняли, что обнаружены, то вышли на лужайку, где остановились школьники, и заговорили с ними. После первых же слов бандитов основная часть мальчишек дала деру. А Коля и его друг по классу Володя не сдрейфили. У каждого в кармане ковбойки было по «Вальтеру». И если что, они могли воспользоваться этим оружием, чтоб не дать себя в обиду. Дома пистолеты хранили в потайном месте на чердаке сарая. А когда нужно, потихоньку брали их, и отправлялись в свои походы по местным окрестностям. Раненые были кавказцами с большими черными бородами, отросшими за время их пребывания в лесу. Один из них поманил мальчишек рукой и негромким голосом позвал: «Подойдите к нам, не бойтесь, мы вам ничего плохого не сделаем»!

– А вы нас не пугайте, – ответил ему Николай, – мы вас не боимся. Чего надо?

– Еды нам надо и бинтов. Не сможете нам принести из города? Мы хорошо заплатим. – Ответил один из бандитов, с перевязанной выше локтя правой рукой. Второй бандит вообще не разговаривал и только диковато поглядывал на мальчишек, как волк на зайцев.

Николай почувствовал, как от этих взглядов по его спине пробегают мурашки, но не подавал виду, что испугался. Володя немного побледнел, ему тоже, видимо было немного не по себе. Николай взглянул на него и спросил: «Что будем делать?»

– Надо военным или милиционерам подсказать, где спрячутся эти бандиты! – Шепнул на ухо Николаю Владимир.

– Это что же, получится, что мы их сдадим чекистам, а ведь они тоже люди, доверяют нам, о помощи просят. Их же просто расстреляют, если сообщить в комендатуру или милиционерам.

– И правильно сделают. Знаешь, сколько они наших солдат погубили – в спины стреляли исподтишка! Сволочи! Моего батьку тоже, возможно, вот такие же бандиты недалеко от Грозного прикончили.

– Что вы там шепчетесь? Подойдите поближе! – Заподозрили неладное и наставили карабины на мальчишек раненые бандиты. – А то сейчас вам дырок наделаем.

– Да не пугайте, пуганые уже. Немцев не боялись в оккупацию, а вы свои своих пугаете?

– А откуда мы знаем, что вы свои? Как твоя фамилия? Кто твой отец? Где работает?

– Думаю, это вам знать незачем, так как не интересно. Он нигде не работает, в лагере сидит.

– Тогда другое дело. Значит, ты на самом деле свой. А как насчет твоего дружка?

– У него отца убили. Один с матерью живет.

– А кто убил? На войне?

– Да нет, после войны. Бандиты!

– Ну ладно, я вижу, что вы не робкого десятка. Подойдите поближе?

– А зачем? – Громко спросил Володя.

– Да, зачем? – Повторил вслед за ним Коля.

– Денег вам дадим или золотое кольцо, чтобы на еду и бинты поменять.

– А вы положите их там, где сидите, на камень. Мы и заберем. А подходить к вам не будем. И пукалки ваши нам не страшны. У нас свои не хуже. – Показал «Вальтер» Коля.

– Ты, я смотрю, отчаянный малый. Да только оружием нужно уметь пользоваться. – Рассмеялся один из бандитов. – Я вот с десяти шагов в копейку попаду. А ты навряд ли. Поэтому перевес все равно на моей стороне. Так что, давай, не будем ругаться и пугать друг друга, нам нужна помощь. И вы сделаете то, о чем мы вас просим. Иначе мы накажем вас. Еще не раз сюда придете. Или мы сами к вам домой придем и рассчитаемся с вами за вашу несговорчивость.

– Но все-таки, отойдите шагов на двадцать, чтобы мы могли взять деньги и кольцо! – Не поддавался на хитрости бандитов Николай. И Владимир его поддерживал, даже упреждал:

– Не иди у них на поводу, знаем мы бандитские штучки. Задобрыят, а потом на костре зажарят и сожрут.

В городе и про такое слыхивали, вести о всяких страшных случаях, связанных с преступлениями бандитов, разносились быстро.

На этот раз бандиты не обманули. Точно выполнили просьбу мальчишек и, оставив деньги и кольцо, отошли метров на двадцать подальше от них и поближе к опушке леса. Мальчишки взяли деньги и кольцо.

– Когда вернетесь? – Спросил их один из бандитов, возрастом постарше?

– Как успеем. Но не сегодня, вечером не пойдем. Ждите только утром! – Успокоил их Коля.

– Ладно, будем ждать. Не вздумайте милиционеров или солдат привести. Первыми вас из-за кустов застрелим! – Предупредил бородач.

– Так мы пошли? – Спросил Коля.

– Идите! – Разрешил старший бандит. – То, что принесете завтра, оставите возле камня, на котором мы сидели и с которого вы взяли деньги и кольцо.

Мальчишки развернулись на сто восемьдесят градусов и бегом помчались вниз по склону горы, неподалеку от которой проходила автодорога. Когда они выбежали на нее, то увидели в отдалении стайку ребят, с которыми они пришли сюда. Пока не дошли до них, два друга спорили о том, как лучше им поступить. Дома с матерями советоваться было бесполезно, отшлепали бы и заперли в комнатах и несколько дней не выпускали на улицу. Поэтому друзья решили посоветоваться с отставным майором, демобилизованным из армии по состоянию здоровья – после тяжелого ранения в грудь и госпиталя он вернулся в Пятигорск, на их улицу. И с ним они часто разговаривали о войне и мире, о его боевых делах и вообще о жизни. Советовались, когда нужно. Так как считали его своим другом и доверяли ему. Ведь это был не человек, а могила – никогда секретов не выдавал. И матерям о «подвигах» мальчишек ничего не рассказывал.

– Серьезное дело! – Покачал головой Семен Ильич, когда мальчишки рассказали ему о том, что в горах наткнулись на раненых бандитов и что те попросили их принести еды и бинтов. – Тут сгоряча нельзя поступать, нужно подумать. Чтобы и бандитов обезвредить, и вам не навредить. А то придут милиционеры или бойцы в горы, не найдут бандитов, а себя обнаружат и вас подставят. Давайте я тоже со своим знакомым в милиции посоветуюсь. А потом решим, как лучше поступить. Если вы, конечно, разрешаете!

– Если Вы считаете, что так лучше, то так и делайте! – Не стал возражать Коля. И Володя одобрил намерение майора.

– Только не тяните с этим, дядя Семен! – Попросил он. – А то нам до завтра время дали.

– Понятное дело. Я сегодня же переговорю со своим знакомым, и мы что-нибудь придумаем.

А придумали они простую операцию по обезвреживанию бандитов. Мальчишки должны были, как было условлено, отнести к опушке леса на склоне горы хлеб и бинты и сразу же убежать оттуда. А минут через пять следом за ними, когда, наблюдающие за пацанами раненые бандиты выйдут из зеленки, к тому месту должна была на всех газах подкатить машина с милиционерами и бойцами внутренних войск, чтобы организовать оцепление и задержание бандитов или, если окажут сопротивление, физически уничтожить их. Именно последнее и произошло на опушке. Мальчишки, отбежавшие к шоссе, где их подобрал милицейский патруль на мотоцикле, отчетливо слышали выстрелы карабинов и автоматов ППШ, а также два взрыва гранат. А потом видели, как тела убитых бородачей привезли на полutorке к городскому отделу милиции для опознания. В Коле Мухине с той поры поселилось противоречивое чувство. С одной стороны, он был рад похвале начальника милиции за оказанное содействие в обезвреживании бандитов. С другой – его мучило сознание собственной вины и греха в том, что он и его друг Володька стали причиной гибели этих, пусть и плохих, но, все же, людей, с которыми они разговаривали накануне и для которых покупали хлеб и бинты. Это ощущение греха и какого-то внутреннего страха надолго поселилось в его душе и время от времени возвращалось в более поздние годы. Не раз еще в его сны приходили те бородачи, словно хотели отомстить ему за его предательство и подлость, как они считали. В душную, июльскую ночь ему приснился сон, в котором бандиты гонялись за ним по лесу с карабинами наперевес. Он долго убегал от них напрямую через зеленые чащи, исцарапал себе все лицо и руки ветками колючих кустарников, и когда, казалось, что бородачи вот-вот схватят его, вдруг проснулся. Голова была мокрая от выступившего обильного пота, а сердце бешено колотилось. Как-то он поделился своей бедой со знакомым майором-соседом и тот только рассмеялся: «Да ерунда это! Самовнушение! Чего ты боишься? Они уже никогда и никому не сделают ничего плохого. А ты молодец, все правильно сделал. Родина тебя не забудет. Вырастешь, поступай в военное училище или в милицейскую академию. Я тебе дам рекомендацию, как участнику боевой операции по обезвреживанию бандитов». Но, когда после успешного окончания средней школы в 1955 году Николай пришел в органы, чтобы взять направление на учебу в училище имени Дзержинского, где готовили сотрудников для погранвойск и госбезопасности, ему дали от ворот

поворот: «Мы детей врагов народа на учебу в это учебное заведение не направляем!» – Сухо и недоброжелательно заявили в отделе кадров. На рекомендацию соседа-майора даже внимания не обратили. И Николай в очередной раз почувствовал себя оскорбленным и униженным. Поступил в ПТУ, где готовили классных сварщиков и рабочих других специальностей. Вскоре времена стали меняться к лучшему. После выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева на XX съезде КПСС и разоблачения культа личности Сталина из лагерей стали возвращаться политзаключенные. Большой и измученный многолетним пребыванием в лагере на Колыме, словно выжатый лимон, с бледно-желтым измученным лицом возвратился в семью отец одного из одноклассников Николая – дядя Иван. Что-то горячее и волнующее тогда всколыхнулось в душе Мухина, он даже на мгновение представил и свою встречу с отцом, но, тут же, почувствовал неловкость, и не знал, как себя с ним поведет. Воображаемый отец ему показался несколько чужим и уже совсем другим человеком, его живость и бойкость ушли вместе с годами, проведенными за колючей проволокой. На смену им пришли молчаливость, медлительность в мыслях и поступках, излишняя подозрительность во всем.

У Лены были несколько другие – детство, отрочество и юность. Она родилась в 1950 году в типичном тамбовском селе. Первые детские годы были голодными. На жалкую оплату за трудодни – 600 граммов зерна в сутки – ее родители не могли себе позволить покупать для дочери и других детей никаких лакомств. В первый раз простую шоколадную конфету она попробовала, когда пошла в школу. Точнее, на Новый год, сладости были в подарке Деда Мороза, врученном ей на школьной Елке в виде бумажного кулька с цветной картинкой, на которой была напечатана тройка лошадей, несущаяся по заснеженному простору. А в санях – Дед Мороз и Снегурочка. Училась она в сложенной из бревен еще в тридцатые годы небольшой деревянной школе. Училась средне, по двум предметам – физике и химии – у нее были тройки. Поэтому после восьмилетки мать забрала ее из школы, категорично заявив: «Хватит лодыря гонять. Будешь со мной работать дояркой, я тебя научу коров в группе доить и за ними ухаживать. Все на лишний кусок хлеба заработаешь. Отец вон от зари до зари горбатится то на тракторе, то на комбайне, а получает какие-то шиши. Мы же с тобой, хоть молока вдоволь на ферме поьем, да еще, может, и на сметану, на масло оттуда что-то притащим домой, не помирать же с голоду. Отец у нас сильно честный, одного зернышка во время уборки урожая в дом не принесет, коммунист! А то, что мы впроголодь живем, с тюри на квас перебиваемся, он, словно не видит. Всем, говорит, трудно, всей стране! А ты видела, что в московских магазинах продают? Помнишь, в киноновостях Елисейский магазин с новогодними товарами показывали – и колбасы, и сыры разные, и икра осетровая, и яблоки, и апельсины. Живут же люди! А в нашем сельмаге только соль, спички да хлеб и рыбные консервы – килька в томатном соусе. Муки и той порой не купишь. А в Москве настоящий рай!» – Откровенно завидовала жителям столицы и других больших городов мать. – «Ты, Лена на ферму не на всю жизнь пойдешь. Как встанем на ноги, подзаработаем денег, так отправлю тебя и Катерину в город. Там жизнь лучше. Не нужно вам моей судьбы, вечного копания в навозе и ревматизма от сырости!»

Возражать было бесполезно. Мать была волевой и сильной женщиной. Других мнений она не терпела. А вообще-то Лена мечтала продолжить образование и со временем поступить в педучилище. Чтобы стать преподавателем начальных классов. Считала она неплохо, да и почерк у нее был почти каллиграфический, как в прописях. Детей любила.

Сестры росли под явным влиянием матери. Отцовского воспитания не воспринимали всерьез, хотя отца побаивались. Особенно, когда он из-за разногласий с матерью, ругался с ней. Чем старше они становились, тем такие стычки отца и матери, сопровождавшиеся большими перебранками, случались чаще. Не чувствуя понимания со стороны матери и дочерей, отец запил. Пил самогонку неделями. И постепенно превращался в озлобленного и одинокого старика. Все свое свободное от работы время он чаще всего проводил либо на покосе с косой в руках, либо в лесу, где нарезал прутьев, чтобы плести корзины после уборки урожая и иметь

хоть какой-то навар от их продажи на рынке в райцентре, либо уходил на рыбалку. С дочерьми и женой он уже почти не разговаривал. Первой от этого кошмара сбежала в город Катерина – старшая дочь. Ее жених, получивший комсомольскую путевку на строительство промышленных объектов на Мангышлаке, позвал и невесту туда. Поначалу они жили в общежитии, потом получили квартиру. И когда обжились, стали расхваливать в письмах свою жизнь в Казахстане, звать в молодой город Шевченко и Лену.

– Молодец Катерина, моя кровиночка! – Хвалила старшую дочь мать. – Не забыла про тебя при сладкой жизни. Правильно я вас воспитала. А этот старый хрыч все не успокоится, лает на меня, мол, мешанок и «потребленок» вырастила, для них вещи и колбаса в жизни главное, а на идеи коммунизма им наплевать! А что мне до этих идей, если здесь в селе нормальной жизни нет? Если простая вареная колбаса, как событие, а уж про красненькое (вино – примечание автора) и не говорю. Раз в год завозят. Сукна хорошего в сельпо днем с огнем не сыщешь. За ситцем или штапелем в город ехать надо. Это жизнь? Это его коммунизм? И еще, ругается на меня за то, что я в церковь стала ходить, безбожник. Отец его кузнецом был, говорят, с чертями водился. И этот тоже, словно каким чертом укушенный, в церковь не зятенешь. Атеист! А что мне от его коммунизма и атеизма? Только вечная нищета и нехватки? И потом, почему я под его партийную дуду должна плясать и не ходить в храм Божий? У меня мамаша, Царство ей небесное, и папаша истинно верующими, православными были, за что отец и пострадал в конце тридцатых. Жизнь за веру безбожникам отдал. А от Иисуса Христа не отступился». Вот примерно после одного из таких неприятных разговоров и полученного от Катерины приглашения Лена и уволилась с фермы, поехала к сестре. И мать ее благословила в дальний путь с иконой в руках. Перекрестила, как полагается.

Мухин об этом не знал. Ему после знакомства и прогулки с Леной по морскому берегу приятно было видеть, что она человек не испорченный, понимающий его и вот этот безупречный простор, красоту моря и неба, их чистоту.

– Слушай, – спросила Лена, – зачем здесь вот этот турникет установили? Падал кто с обрыва?

– Да было дело. Пьяный один вышел из «Паруса» и пошел воздухом подышать. Шел, шел и не заметил, как земля кончилась. Из-под ног ушла. Вон на тех камнях, что под нами, утром подняли беднягу, даже крикнуть не успел, не понял, как разбился насмерть.

– Метров тридцать будет.

– Да нет, немного меньше. Но чтоб разбиться, хватит. Вот и установили на всякий случай турникет. А вообще этот заборчик здесь ни к чему. Весь вид портит, не люблю заборов, тем более над морем.

– Но и без них опасно, нельзя пока. Вон пьяных сколько!

Мухин немного отвлекся, глядя вглубь вселенной и словно что-то припоминая.

– Кажись, Дарвин говорил:

В природе мировой

В борьбе стихий, в развитии постепенном

Все существа, все формы создались

И жизнью могучею зажглись –

Вот здесь это особенно ощутимо! Не правда ли?

– Да, я тоже как-то иначе теперь воспринимаю все окружающее, словно я – совсем не я.

– Напротив, как раз ты здесь сама собой и становишься. А там, – он кивнул на «Парус» – наши подобия, не мы были. Город отравляет человеческую душу своим цинизмом, портит разгулом страстей, ничтожностью желаний, примитивизмом мышления, наконец. Ты этого не почувствовала?

– Да, город давит на меня. Я ведь в деревне родилась, у нас всего двести дворов там. – Впервые стала скупко и осторожно рассказывать о своем селе, о себе и своей жизни Лена. –

Но люди, скажу тебе, совсем иные. Как родня все, участливые. Да и все другое. Поедешь куда – такую же березку увидишь, а кажется, по-другому с тобой на своем языке лепечет. И воды попьешь – не та вода. И воздухом дышишь – не тот воздух. Вот хорошо здесь. И- город новый, просторный, светлый, и море – гляди – не наглядись, а чего-то не хватает нашенского, сразу видно – не Россия это. И вроде знаешь, не чужая земля, все та же советская, а словно не в родной стране находишься, отчего это?

Доверять неразумным ощущениям – свойство грубых душ, – подумал Мухин, вспомнив мысль Гераклита, – но вслух сказал другое:

– Помнишь, у Шевченко:

Святая Родина! Святая!

Иначе как ее назвать!

Ту землю лучшую, родную,

Где мы родились, росли

И в колыбели полюбили

Родные песни старины... -

Мне мать в детстве эти слова, как песню напевала.

– А мне мама ни о чем не пела. – С сожалением вспомнила Лена. – Она на ферме дояркой работала, поздно приходила, уставала так, что с ног валилась. Некому было работать – одни пожилые в ту пору на ферме остались. Молодежь по городам разбежалась. Так что ей не до поэзии было. Какая уж поэзия – когда навозу по колено, грязь. Да все голыми руками – и сено наноси, и комбикорма приготовь, отруби и солому запарь, свеклы нарежь... И загон вычисти. Скотники, как правило, пьяные. Ни днем, ни ночью не видать. Только в магазин да из магазина, или друг от друга с самогонкой, а потом, как тараканы по щелям, так и мужики наши. Где спокойнее, – забьются и дуют водку.

– Много пьют?

– Пьют! Продавщица Клавка светится, ходит руки потирает от такой торговли. И ночью торгует. Из-под полы, конечно. За полтора червонца – бутылка. И берут. Все спускают!

– И отец твой пил?

– Ну, я же говорила. Пил! Он что, лучше других что ли? Тоже натерпелись с сестрой от него – напьется самогонки и одни упреки, мол, не так живем, не о том думаем, не к тому стремимся – зануда. Мать заступится, шуганет его, так он на нее свой пыл перенесет: ругаются по несколько часов. Так ругаются, что белый свет становится не мил. А во всем самогонка виновата!

– Здесь тоже много пьют. Все подряд. Глядишь, какой и трезвенником был, а впоследствии запил.

– И почему так? Чего не хватает? Казалось бы, радоваться – работа у всех денежная, квартиры светлые, просторные, море под боком, а сами себя в животных превращают? Словно с ума сходят.

– Я тоже сначала дивился. Сейчас привык. Понял, что к чему.

– И что ты понял?

– То, что раньше сентиментальный очень был. А сентиментальный он вроде лунатика. Ну, понимаешь, как Берне говорил.

– Какой Берне?

– Да, кажись, писатель такой, француз. Так вот он точно подметил, что сентиментальные люди взбалтывают свое чувство так долго, что оно дает, наконец, пену. Вот как это небо – показал он вдаль рукой. – Тогда они воображают, что у них сердце полно, что их чувство течет через край, но все это не более, как воздух. Понимаешь?

– Смутно!

– Ну, как тебе объяснить? Не все, что нам кажется таковым, как мы видим, на самом деле именно такое. Все сложнее, за всем второй или третий слой. И причина, обязательно какая-то причина.

– Это уже целая философия.

– Ну, а куда от нее деться! Я тоже поначалу на все, что вокруг меня бесилось, непримиримо глядел, как на зло. А потом и глубже взглянул. Словно на больного доктор, как на данность или неизбежную необходимость, которую уже никак не остановить.

– Это пьянку-то!

– Хоть и пьянку. Ты думаешь, просто? Для пьянства тоже свои причины есть. Глубокие корешки, так сказать!

– Ты еще всех наших предков помяни.

– И они по нашим генам стаканом трахнули. Не хуже чем атомной бомбой.

– Ну, уж загнул!

– Что загнул! Россию в государственном масштабе с петровских времен спаивали. Вот и добились своего, Алкаш на алкаше.

– Да! Ни пройти, ни проехать!

– А здесь, на Мангышлаке, алкаши особые. В России алкаши с горя, от безденежья пьют, от тоски, обида у них на то, что жизнь серая, нищенская. А здесь, как ни парадоксально, – от жажды по хорошей и сытной жизни. Точнее, от голода по ней. Наголодался народ по зажиточности, понимаешь? Но вот что удивительно, хоть человек я уже не сентиментальный! – Многие здесь эту сытую жизнь вроде бы получают – деньги платят солидные и в магазинах есть что купить. И концерты, спектакли, почитай, постоянно. Живи и радуйся. Но редко кого в такой радости увидишь. Я уж здесь почти десяток лет, пригляделся. А радостных и счастливых людей редко вижу. Валится на человека после безденежья изобилие, а он теряется. Не знает что хватать, чаще всего, хватается за бутылку. Одну хватает, а предыдущая его уже по затылку трахает. И ничего, кроме них, он уже как бы и не видит. А если и видит, то, как в тумане, как вот в этом лунном свете живет. А он весьма обманчивый.

Мухин делился с Леной годами выношенными мыслями, и она внимательно слушала Николая. Теперь он казался ей совсем другим – приятным и близким, не то, что в кафе. Она позволила ему подойти ближе и обнять одной рукой.

– Древние говорили, властвует над удовольствием не тот, кто совсем воздерживается от него, но тот, кто пользуется им, не увлекаясь страстью к нему. И ведь верно. Две тысячи лет назад сказано. А ничего до сих пор в этом отношении не изменилось. Человек с тех пор лучше не стал, как видно. Ты как думаешь?

– Я думаю, что хуже стал.

– И я так же думаю. Меня в детстве погаными пугали, Бабаем. А ведь такого зверства, как в последнюю войну, никогда не было. Батый и тот так на Руси не злобствовал. Хоть и азиатом был. Фашисты всех превзошли в жестокости. Я, когда рвы за Пятигорском разрывали, насмотрелся на их работу. Ты и представить себе не можешь, чего натворили гады. Как людей изуродовали. И ведь кого? Много там стариков и старух было, совершенно беззащитных. А скольких еще горожан и бойцов бандиты после освобождения города поубивали!

– Да чего это вспоминать? У нас тоже полдеревни не вернулось с фронта. Бобылок много осталось! Сердитые, ни улыбки на лице. Унесла война улыбки-то. Ожесточенье какое-то на всех потом нашло, грубость, женщины больше на мужиков походить стали. И плуги на себе тягали, землю пахали, и строились сами. В общем, как ломовые. Поэтому и посуровели, с ласковыми словами распрощались, красоту, нежность понимать перестали многие.

– Да не перестали. Это ты зря. Просто стыдно перед павшими защитниками Родины выставлять это было: чувства человеческие, я так думаю, не скромно что – ли. На самом же деле каждая женщина в себе всё во сто раз острее переживала, перегорела на своих чув-

ствах. Может, на нас, молодых, всё это сказалось, как контузия. Как волна тяжелая. Придавила ко дну и шлепнула о камни. Вот и стали мы всё глуше воспринимать.

– Ну, ты философ, это точно! – Погладила Мухина по голове нежной ладонью Лена. И он как-то порывисто, неосознанно наклонился к ее лицу и ощутил горячий ток ее нежных девичьих губ.

Она на мгновение замерла в его объятье, но, тут же, легко вывернулась.

– Ты что, Коль? Сразу с поцелуями. Даже не спросил меня.

– Извини, как-то само собой получилось.

– Да, само собой, а потом и другое само собой...

– Да ты что? Ну и темные мысли у тебя. – Он посмотрел на нее со стороны и вдруг безобидно рассмеялся.

– Чего ты?

– Да так, над собой смеюсь. Я, знаешь ли, думал, что мне уже не понравится никто, насмотрелся тут на женщин, зарёкся встречаться. Два года – ни с одной.

– Да, так я и поверила!

– Честное слово! Аллергия у меня какая-то на баб была.

– Это еще почему?

– Да рассказать, не согласишься.

– А ты расскажи сначала.

– То, что в первые годы здесь почти промискуитет – то бишь, общие жёны и мужья в массовом количестве были – меня не очень-то удивляло. И в других местах на многое насмотрелся. До Мангышлака сначала года два по стране ездил, строил гиганты пятилеток. Потом в Лермонтове рядом с Пятигорском, где уран добывают, на руднике работал. А уж потом сюда – на строительство атомной станции направили, как хорошего специалиста из системы среднего машиностроения, среднемаша, как мы говорим.

– А где ж ты успел побывать?

– Да легче сказать, где не был. И в Сибири, и на Дальнем Востоке. Ну да это неважно. Одним словом, покатался по матушке России. Вот в Казахстан занесло. Здесь потеплее, а бабки те же платят, считай, коэффициент и плюс полевые, безводные. Жить можно. Но как живем-то! Так вот, возвращаясь к теме, насчет женщин.

– А почему не мужчин?

– Да потому, что мужики в основном пьют и дерутся, режутся, но на такие гадости не способны.

– Ну, уж! Что ты имеешь в виду?

– Поживешь здесь, сама увидишь.

Она молчала, и он продолжил:

– Возвращаюсь я как-то со станции домой на такси. Двенадцать километров оттуда. Так вот, ехали – ничего интересного, ночь, как ночь – Луна и теплынь июльская, воздух на полыни настоян, так и прет в раскрытые окошки, аж дурманит. Вокруг ни души и тишина. Но когда подруливать к моему подъезду стали, самое интересное увидели. Вернее, услышали сначала. Шофер вышел стекло протереть, а я остановился возле машины, деньги в кармане ищу, чтобы расплатиться. Вдруг слышу детский плач – грудной ребенок плачет. И шофер тоже прислушался, палец поднял указательный – тише, мол. Снова – чуть в стороне плач. Откуда в такой час, думаем – далеко за полночь, темно. Что-то не то. Пошел на голос. И что ты думаешь? К мусорному контейнеру подойти пришлось. Вонючка там – под мусоропроводом стоит. С десяти этажей, что попало, в него сбрасывают. Подходим – еще сильнее крик. Из контейнера. Посветили – видим сверток. Из него голова торчит младенческая. С кровоподтеками.

– Боже мой! – Прошептала Лена.

– Какой уж тут Бог! Чёрта скорее помянуть нужно. Залез я в тот ящик, вытащил свёрток, и на том же такси – в санчасть. Там родильный дом и отделение детской патологии. Спасут, думаю, ребенка. Он оказался мальчиком. Это мы потом с таксистом узнали. Заезжали проведать найдёныша, расспрашивали медсестер про его самочувствие. И вообще поговорили. Вот что, кстати, узнали. Подлечили его, спасли, значит. А потом и мамаша вдруг объявилась. Прислышала, что живой ее сынок, вот и пришла, видать, совесть заела. Сразу боялась показаться на глаза медработникам – уголовное дело. Ведь с восьмого этажа в мусоропровод младенца спустила. Думала, мусором за ночь завалят и вывезут на свалку. А получилось всё иначе!

– Ужас! – Не верила своим ушам Лена.

– Еще какой! Женщины, что с передачами к роженицам пришли, когда узнали, что она со своим ребенком сотворила, ее чуть не растерзали прямо рядом с приёмным покоем. Весь город от такого происшествия гудел. А чего гудеть-то было? Впервой что ль с таким столкнулись! Сколько здесь на берегу младенцев сучки роженицы оставляли! Им, оказывается, рожать прямо в море, в воде сподручнее. Вот они сами или с помощью близких подруг и рожали. А детей прямо на песке или на камнях оставляли. Одних находили, другие околевали от холода.

– Зачем ты мне всё это рассказываешь, чувствуя, как ее пробирает дрожь, спросила Лена.

– Да так, к сведению. Чтоб лучше город наш узнала.

– Не надо. Давай лучше о чем-нибудь другом поговорим!

– Давай. Ты любишь мечтать?

– Мечтаю иногда.

– И какая твоя главная мечта?

– Ну, во-первых, хочу учительницей стать, в педучилище и со временем в пединститут поступить. – Лена на мгновение задумалась и смутилась. – Чего это вдруг она сразу станет открывать самое сокровенное этому едва знакомому человеку? И она больше ничего о своих мечтах ему говорить не стала. Нужно сначала лучше узнать человека, а уж потом распространяться – подумала она. А вслух продолжила. – Сейчас моя главная мечта добраться поскорее до дома, а то Катерина взбучку устроит. Она меня предупредила, чтоб не задерживалась допоздна.

– А может, зайдем к моим друзьям или ко мне? Что ты, маленькая?

– Маленькая, не маленькая, а с первого раза просто неприлично. Извини, не могу и не хочу! Проводи меня!

– Давай мотор поймаем и доедем.

– Да нет, зачем? Здесь минут десять пешком. Чего зря тратиться! Вы, горожане, готовы и в булочную за хлебом, что в двух шагах, на такси ездить.

– Из тебя, как я вижу, хорошая хозяйка получится. Ты как моя сеструха старшая – та даже о чужих деньгах беспокоится. Не любит, когда тратят впустую.

Лена ничего не ответила и направилась молча по широкому тротуару, прикрытому с двух сторон густым кустарником волчьей ягоды. Захочешь – не продерешься сквозь такую зеленую изгородь. – Подумала девушка. Отменное место для грабителей – настоящий зеленый тоннель, выход из которого только у перекрестка – вон там, где мигает своими разноцветными светлячками светофор.

Когда дошли до перекрестка, Лена предложила:

– Пойдем лучше вдоль моря по берегу!

– Пойдем! – Охотно согласился Мухин.

Они перешли через широкую асфальтированную дорогу, пахнущую гудроном и бензином. И их взору опять предстал великолепный подлунный морской пейзаж.

– Как красиво! – В который уже раз залюбовалась на эту великолепную картину Лена – А что там за морем?

– Кавказ! – Многозначительно произнес Мухин. Кавказ подо мною один в вышине. Помнишь Лермонтова?

– Помню! Только жаль, что отсюда его не видно! – Пожалела она.

– Да, действительно, жаль. А то бы ты увидела, как он прекрасен! С детства не могу им налюбоваться! Как приеду в отпуск в Пятигорск, так смотрю, смотрю на белоснежные вершины Большого Кавказского хребта. На Эльбрус и подступающие к нему вначале прозрачно голубые, потом сизые с фиолетовым отливом горы пониже, а ближе к нам – изумрудного цвета предгорья, покрытие буковыми лесами и населенные разными лесными жителями – оленями, бурыми медведями, разноцветными фазанами. Прекрасно. А интереснее всего смотреть на древние храмы и крепости, наполненные тайнами и загадками. На старинные города!

– Ты и по Кавказу ездил?

– Да, практически везде был. В том числе и в Закавказье. И больше других мне Тбилиси нравится. Прекрасный город – детище царя Давида, которого его современники прозвали строителем. Настоящие памятники архитектуры он оставил потомкам. Вообще, знаешь, старый Тбилиси, проспект Руставели, закоулки этого города – это совсем другой, особый духовный и поэтический мир

– Да, я читала поэму Шоты «Витязь в тигровой шкуре», прекрасное произведение.

– А про Пиросмани слышала?

– Нет. Кто такой?

– Художник, который прославил Грузию на века. А ведь, знаешь, кем он был?

– Кем?

– Молочником. Лавку молочную держал, тем и жил. А в свободное время писал свои картины. Сегодня они в Лувре вывешены.

– Да ты что! Вот здорово! Расскажи мне о нем!

– Да что рассказывать. Знаешь, что меня до сих пор потрясает, так это его великий человеческий дух и гениальное понимание сути жизни.

– Что ты имеешь в виду?

– Есть такая прекрасная история. Рассказывают, что как-то в Тифлис (Так в ту пору назывался Тбилиси) приехала на гастроли французская певица Маргарита де Сэвр из предместья Парижа. Пиросмани увидел ее и влюбился по уши. Чтобы приятно удивить свою возлюбленную, решил на корню скупить все живые и разнообразные цветы у жителей города и его предместий. Потратил на это все деньги, которые у него были, заложил молочную лавку и взял еще денег у ростовщика.

– Вот это мужчина! Настоящий поступок! – С восторгом прокомментировала Лена.

– Да, для того времени мировоззрения лавочников это был поступок, хотя и безрассудный, как посчитали многие.

– Ничего они не понимали в женской душе, думаю, Маргарита своего поклонника оценила по – достоинству?

– Вот с этим сложнее. Видишь ли, у нее с детства на цветы была страшная аллергия. И когда она в гостинице и рядом с ней столкнулась с морем ароматнейших роз, лилий, гвоздик, крокусов, цикламенов, азалий и других цветов, то у нее побежали слезы из глаз, и носик припух. Более того, чуть не начался отек носоглотки, грозивший настоящей опасностью – она могла просто задохнуться от этого отека. И Маргарита вместо радости испытала раздражение, но пыталась не выдать этого, и, пересиливая себя, улыбалась Николо Пиросмани, сопровождавшему ее после концерта. На следующий день она пригласила его на прогулку по городу. А какие прогулки у женщин без посещения магазинов и лавок. В ювелирном магазине или лавке, сейчас не помню точно, ей очень понравилось кольцо с бриллиантом. Она вообще обожала драгоценности и особенно сияющие бриллианты. А еще – ей очень понравилось платье, расшитое жемчугом. И она попросила Николо купить ей эти вещи в качестве подарка.

– И он купил?

– Да в том-то и дело, что нет! – Всплеснул руками Мухин. – У него для этого уже не осталось денег – все потратил на цветы. Он честно признался Маргарите, что у него больше нет денег.

– И что же француженка?

– Уехала на следующий день, даже не попрощавшись с Николо. Когда он пришел в гостиницу, то ее номер был пуст, Там художник нашел только обрывки газет и бумаги да голубую ленту. Певица даже письма не написала ему на прощание.

– Бедный художник!

– Да. Но Николо решил навсегда сохранить образ своей возлюбленной. И написал ее портрет. Он был настолько беден, что у него не хватало денег даже на холсты. И он рисовал на картонах или клеенках.

Вообще после этого он бедствовал. А весь город – лавочники в особенности – над ним и его безрассудным поступком долго смеялся. На Николо показывали пальцами и говорили детям – вот это тот самый глупец, что потратил все свои деньги на цветы для французской певицы и стал нищим. Не совершите в своей жизни такой глупости!..

– Да, люди жестоки! – Покачала головой Лена.

– Жестоки и непредсказуемы. А еще жадные, и глупые к тому же. – Уточнил Мухин. – Через некоторое время после смерти художника предприниматель и коллекционер Зданович купил и собрал 80 картин Пиросмани и затем выставил их в Лувре. Успех новой экспозиции оказался ошеломляющим. Смотрители музея позже рассказывали, что когда этот вал спал, они стали замечать в Лувре одну старушку, которая часто приходила в музей и подолгу стояла у одной картины с изображением молодой женщины. Смотрела и словно молилась на нее, почти как на икону, вспоминая о прожитом. Это был ее собственный портрет, написанный Николо Пиросмани. Это была в прошлом певица из парижского предместья, госпожа Маргарита де Сэвр.

– Удивительная история! – Сказала Лена.

– И поучительная! – Добавил Мухин. – Если бы не Пиросмани и его талант, кто бы сегодня помнил о той певице? И о том, что с ними произошло в Тифлисе.

Странно. Прошло столько лет, а Мухин до сих пор помнил тот первый его и Лены вечер во всех подробностях. Словно не в памяти, а на голограмме отпечатались мельчайшие детали – даже запах ее волос, смешанный с наплывами ветерка, с ароматом польских духов «Быть может», поворот ее головы, нежную шею. И как все могло повернуться на 180 градусов? Как она, простая и скромная девушка – его будущая невеста и жена – потом так быстро превратилась в совершенно чуждую, и ненавистную ему расчетливую стерву? Больше всего его уязвила память о том, что, похоже, он сам способствовал этому ее перевоплощению

А началось все... Когда же это все началось? – Думал Мухин, – Неужели на следующий день после их первой встречи, когда он зашел в «Каспий» – двухэтажный универмаг на проспекте Строителей – и увидел женскую очередь. К витрине невозможно было протиснуться. Вся облеплена разгоряченными и потными бабами. И он через их головы спросил продавщицу: «Чем торгуешь»? Что это они, словно сбесились тут у вас?

– Да колготки немецкие завезли. На вас нет...

В очереди захихикали. Некоторые женщины повернули к Мухину головы, и он даже покраснел от такой шутки, отпущенной в его адрес продавщицей, но нашелся:

– На такую красавицу, как ты, какой размер?

– Самый ходовой – ответила, не глядя на Мухина, продавщица, продолжая быстро обслуживать стоящих в очереди.

– Тогда заверни три пары. Вот, держи, – и он протянул через головы женщин зеленую пятидесятирублевку с портретом В.И.Ленина в обведенным яйцевидной рамочкой.

Очередь загалдела, две женщины стали оттеснять Мухина. А он, как артист, умолял: «Ну, бабоньки, дорогие, одна единственная у меня невеста, дайте купить, не погубите нашего счастья»!

Полная и смачная блондинка, стоявшая третьей в очереди, улыбаясь, предложила ему: «Давайте деньги, куплю вам. Нельзя обижать невесту. Мы все тоже невестами были». – Засмеялась она по-свински тонко и пронзительно.

Мухин сунул ей в потную ладонь бумажку и отошел на шаг от очереди, которая снова загалдела, обсуждая теперь уже смачную блондинку. На втором этаже было душно, и Мухин почувствовал, что по всему телу начал проступать пот, а по лбу потекли к глазам настоящие струйки. Пригрело солнышко. В тени за сорок.

– Держи две пары, больше не дала! – Дефицит! Вот и сдачи твои!

– Ну, спасибо Вам, с меня причитается!

– Жарко, задохнуться можно, сейчас и даром угощения не захочешь. Только в холодильнике климат. Да мал больно, не помешусь! – Плоско пошутила и рассмеялась смачная блондинка. – А ты молодец, раз о невесте так заботишься, она это оценит.

– Вы думаете?

– Не сомневайся даже. Обязательно оценит, вот увидишь. – Хлопнула она мясистой и потной ладонью по плечу Мухина. – Молодец, ничего не скажешь! – Еще раз похвалила толстуха, и направилась к выходу, довольная то ли покупкой, то ли разговором с молодежьим человеком ее вкуса: поджарым и находчивым, к тому же веселым.

Мухин подошел к отделу парфюмерии, купил себе «Шипр» и направился к выходу. Горячий, словно прожаренный в духовке, воздух, придушенный гарью выхлопных газов, обжег лицо и ноздри. Раскаленный асфальт стал податливым. Мухин чувствовал, что каблуки слегка тонут в нем, как в пластилине. А у универмага, несмотря на жару, толпились люди, сновали рядом с продовольственными и книжными киосками, шли к входам в универмаг, выходили из них. Рядом, в тени дикой оливы, пожилая продавщица торговала мороженым. И вокруг на асфальте веером легли сорванные и брошенные тут же этикетки. Бездомная дворняга, высунув мокрый и длинный язык, постоянно обнюхивала их, но так и не находила мерещившегося ей лакомства. Мухину она показалась похожей на Жучку, что жила в пятигорском дворике. Вроде той же породы: смесь бульдога с носорогом, только чуть поменьше размером. А может, это просто я вырос, вот и кажется, подумал Мухин. С Жучкой он мальчишкой любил бегать к автостанции. Там после того, как прогнали немцев, тоже всегда было много народу, и продавали пирожки, газированную воду. Мороженое появилось позже, когда Мухин уже подросток. Так что мороженого он в раннем детстве не видел. Впервые попробовал в восемь лет: с Машкой отстояли тогда длинную очередь. А пока донес до дому, чтоб и сеструх угостить, оно почти все растаяло. Правда, Коля на ходу свое мороженое откусывал и облизывал, успел съесть целиком. Ничего вкуснее не пробовал раньше. Понравилось на всю жизнь. А вот сеструхам притащил только остатки мороженого. Запомнилось!

Мухин подошел к продавщице мороженого и купил две порции, не обращая внимания на пацанов, окруживших ее и ящик-термос.

Одним «пломбиром» занялся сам, другим поманил дворнягу, завляющую перед ним рыжим и пушистым хвостом.

– На, на! Поманил он дворнягу и отошел к кустам.

Собака догнала его в несколько прыжков и засеменила рядом, виляя от приятного предчувствия пушистым рыжим хвостом.

– Зажарилась, бедняга, вот охладись. – Он сунул брикет «пломбира» ей прямо в пасть.

Дворняга перехватила его зубами и отбежала в сторону, под акацию, где никого не было, и занялась там дармовым лакомством, словно забыв про Мухина и не глядя на него.

– Вот неблагодарная! – Постыдил ее Мухин. Но она, словно ничего не слышала. Быстро управилась с мороженым и подбежала к своему благодетелю снова, завиляла хвостом.

–

Не – а, больше не получишь, беги, гуляй! – Погнал он ее. Но она не уходила, ждала еще одну порцию мороженого, как будто была уверена, что получит ее. Мухин не доел свое мороженое, оно уже потекло, пачкая пальцы. Они липли, и он бросил остатки брикета собаке. Встал со скамьи и направился к пирсу – в такую жару было в самый раз искупаться. Мухин взял на работе пару дней отгулов. У него их накопилось много. Холостяк – то один, то другой просили подменить, по ночам на строящийся объект вызывали. Устал. Да и мысли всякие в голову лезли. Мешанина в мозгах образовалась. Надо было отдохнуть, переварить все и определиться, как он думал, с дальнейшим курсом в жизни.

Бетонный тротуар, обсаженный маслинами с блеклой, словно выцветшей листвой, вел прямо к морю, первому пирсу, метров на сто – сто пятьдесят шагнувшему по его глади и застывшему над своим собственным, постоянно шевелящимся отражением. Метрах в тридцати, чуть правее пирса и ближе к пустынному и тихому в этот час стадиону, сидели бронзовые от загара мужики и поочередно дули пиво из пятилитровой банки. Значит, завезли в стекляшку, что прислонилась к высокому забору стадиона. В кружки там не разливали, санэпидстанция запретила – боялись вспышки венерических заболеваний. А пивка бы сейчас, подумал Мухин, да еще холодненького, не помешало. И он на всякий случай занырнул в аквариум пивзала – вдруг повезет, может свою банку продаст хозяин.

У стойки толкались человек пятнадцать. Среди них знакомых он не увидел. Но тут из самого угла аквариума его окликнули по имени сразу два голоса. Он обернулся – звали сидевшие за металлическим столиком ребята из соседней бригады, тоже работавшей на их объекте: Суламбек и Алик, бакинец.

– Салам алейкум, садись дорогой! – Предложил Суламбек Мухину.

– Привет всем. Спасибо, не откажусь, жара, аж в горле першит.

Суламбек подвинул к нему трехлитровую банку: «Освежись, Муха, «Светозар» что нада сегодня».

Мухин положил на стол пачки с колготками и поднял двумя руками банку, жадно заглотнул первый глоток. Пиво было действительно на удивление хорошее, прохладное и не разбавленное водой. Обычно здесь всегда продавали «женатое», но сегодня – что надо. Мухин большими, жадными глотками пил янтарную жидкость. А Суламбек с Аликом, довольные, – распивали не первую банку – смотрели, как ходит его большой кадык с крапинками короткой, нарождавшейся щетины. Мухин выпил залпом полбанки и стукнул банкой о пластмассовое покрытие столика:

– Отменное пиво! Давно такого не пробовал.

– Допивай, еще возьму. – Обнадежил его Суламбек. – Наша очередь как раз подходит снова. Вон за тем мужиком в клетчатой рубаше. – Показал он рукой Мухину.

– Я возьму! – Предупредил его Николай и полез в карман за деньгами.

– Ты кому таких красавиц купил? – Спросил Алик, кивнув на нарисованных голозадых девиц на пачках с колготками.

– Да знакомая одна попросила! – Объяснил Мухин. – Взял по случаю, импортные.

– В «Каспии» что ль?

– Ага!

– У меня там подружка Аня работает. Я, когда что надо, у нее бэру.

– Ну, джан, тебе легче. А у меня вот проблемы с покупками.

– Да ты скажи, когда надо. Для тебя сделаем, дорогой! Какой разговор – поднял он кверху растопыренную кисть правой руки. – А что знакомая твоя красивая?

– Как цветок! – Пошутил Мухин, видя, как разгораются от любопытства глаза Алика.

– Слушай, познакомь, а! Ничего не пожалею, если не врешь. Друг ты мне или нет?

– В следующий раз. Когда надоест. А пока, дорогой, она мне самому – во – как нравится! –

Провел ребром ладони по горлу Мухин.

В это время к стекляшке подкатила желтая милицейская машина с «вертушкой». Из нее вылезли двое, один в форме старшего лейтенанта, другой – сержанта милиции. Мухин не раз встречал их у горотдела МВД, проходя к остановке дизеля – пригородного поезда.

– Во, и менты зажарились! – Кивнул на них Суламбек. – Стражи порядка, а пиво тоже любят.

Но, как оказалось, зашли они не за пивом, а за его продавцом – Жорой. Старший лейтенант приблизился к нему вплотную и сказал: «Закрывай лавочку, поедешь с нами».

Жора, как нашкодивший школьник, сделал из всего себя вопросительный знак:

– Зачем от работы отрываешь, начальник, видишь, народу сколько, как я брошу?

Очередь загудела недовольно.

– Житья от вас нет, все поперек горла, все власть свою показываете, мы на вас жалобу напишем! – Завопил худенький мужичок с рыжей бородкой колышком, в майке и джинсах.

– Ты у меня поговори, сейчас вместе с ним поедешь, там напишешь свое заявление на нас, а мы почитаем. – Подошел с решительным видом к нему сержант.

– А что? Я ничего, я так, как и все. – Ретировался мужичок.

Очередь вновь недовольно загудела.

– Спокойно, граждане! – Поднял руку старший лейтенант. – Мы не на блины его забираем, дело есть. Так что извините, что перебили вам кайф, прошу всех выйти!

Жора заметался за стойкой, как пойманный зверек в клетке, не зная, куда себя деть.

– Ну, чего ты ждешь? Закругляйся, тебе сказано! – Снова сурово приказал ему старший лейтенант. – Товарищи, попрошу на выход! – Обратился он ко всем.

Но никто не выходил. И только когда Жора сорвал с себя и швырнул на стул белую общепитовскую куртку с пятнами от пива и потных ладоней, мужики стали нехотя выходить из стекляшки. Пришлось выйти и Мухину с приятелями. Они допивали пиво, стоя, в тени аквариума, и провожали Жору и милиционеров.

– Видать, натворил что-то! – высказал предположение Суламбек.

– Да уж, так просто не закроют. – Поддержал его Мухин.

Алик догнал Жору и, несмотря на недовольство сержанта, заговорил с ним сначала по-русски, потом по-армянски:

– Ара, что случилось? Слушай! Ванцесс?..

Жора что-то прошептал ему на ухо, но старший лейтенант оттолкнул его и приказал Жоре садиться в машину. Дверцы «бобика» были распахнуты настежь. Жора медленно, не глядя ни на кого, залез в раскаленный кузов, и сержант захлопнул за ним дверцы. Жалкое лицо Жоры показалось в зарешеченном окне. Грустными глазами он смотрел на свою стекляшку и стоявших возле нее подвыпивших мужиков.

– Замели! Теперь пива месяц не будет – в сердцах пожалел кто-то то ли Жору, то ли пиво.

– Что ты к нему подходил? – Спросил Мухин Алика.

– Да земляк все же. Интэрэсно стало, за что взяли. Не сказал. Ничего серьезного, говорят.

– Наверно, за пиво! – Предположил Суламбек. – Гадкий пиво торговал позавчера. Слушал, с содой.

– Что ты говоришь? Какая сода? Зачем зря наговаривать! – становил его Алик. – Тут, друг, не то.

– Ну, ладно, вы куда сейчас? – Решил уйти Мухин. – Я пойду, окунусь, самое время охладиться.

– Может, в магазин сгонять? – Не согласился с ним Суламбек. – Давай пятерку! Возьмем бормотухи.

Мухин вытащил пятерку, но идти в магазин отказался. Суламбек и Алик пошли без него, предупредили, уходя, чтобы обязательно дождался их.

– Я буду на пирсе. – Махнул он им рукой. – Не могу уже, перегрелся.

Близкая и почти мертвая тишина наполняла побережье. Но из недалекого микрорайона доносились приглушенные расстоянием шум и гам. Сигналили клаксонами машины, кричали играющие и не боящиеся жары дети. Неподалеку от стекляшки – на площадке для детей – неподвижно и нелепо висело в мареве раскаленного приморского воздуха «Чертово колесо». Невдалеке дремали волки, лисицы, олень и другие, облезшие изнуренные на солнце зверушки помалкивающей карусели. И только впереди, на стендах, громко, хотя и беззвучно, кричали о трудовых успехах трудящихся Мангышлака целые колонки ярких, пузатых цифр. Мухин знал, что все это в большинстве своем туфта. Не верил ни одной из них. Видел, как делали на рубль, а рисовали в отчетах на два. Как говорится, один пишем, два в уме. Нет, наоборот, два пишем, один в уме. Только первые метры дороги к райцентру Шетпе протянули по степи, а уже отрапортовано в Москву о завершении строительства. И еще целую группу дорожников к наградам представили, вот потеха! А тут, как назло, корреспондент приехал. И все разнюхал. На всю страну обсмеял второго секретаря обкома и других начальников за очковничество. А что у нас делается! – Размышлял про себя Мухин. – В прошлом году реактор чуть на воздух не взлетел. Из режима вышел. Проспали. Пришлось один блок останавливать. Водичку тяжелую, то есть грязную в экологическом отношении, в Каспий спустить по отводному каналу. А она вскоре дала себя знать. Начались заболевания. Оцепление по берегу выставили, флажки красные. А обывателям лапшу на уши повесили – мол, палочку холеры со стороны, наверно, из Астрахани завезли, заразили бациллами море.

Мухин это точно знал, сам швы в топливных сборках активной зоны реактора заваривал. Потому что накануне они не выдержали нагрузки, как объяснил ему Костик – сменный инженер. Он подменил проштрафившегося товарища и от души жалел его – «сожрет» директор. Зверь, а не человек, даром, что генерал. И ведь надо ж было уснуть парню. Днем день рождения отмечал, не отдохнул перед сменой, вот и влип в историю! Чуть под суд не угодил, замяли дело. Но в море еще долго не купались. И воду питьевую для начальства в танкерах из Махачкалы через Каспий возили. Так что картина ясная. Мухин в то лето вообще не купался, брезговал. Но море постепенно переборол болезнь, и вновь приняло в свои объятия человека. Без обиды и злопамятства.

Людам бы широту его души и доброту! – Думал не раз Мухин. – Способность всеощущения и самовозрождения! Ведь сколько в жизни уродцев. Почти все человечество в большинстве своем состоит из них – физических и духовных уродцев. И спасти может только природа, ее любовь. Вернее, любовь самого человека к ближнему и себе, к ней – своей матери.

Но как редко мы задумываемся над этими простыми истинами. А почему? Закручены ритмом жизни, торопимся. Не замечаем красоты, топчем ее, а в итоге – разрушаем собственные души, самих себя. Когда люди верили в Бога, многих от злобы и дурного поступка удерживали вера и страх. Но страх превращает человека в лучшем случае в раба, в худшем – в животное. Но и отсутствие Бога в душе и страха перед ним порой оборачивается не менее тяжкими последствиями. Человеческая натура терпит крах, не имея под собой твердой нравственной почвы...

Мухина качало на прозрачных, зеленовато-желтых волнах и он с блаженством погружал в них голову, широко раскрывал глаза и, словно сквозь белесую пелену, рассматривал водоросли и шнырявших между камнями бычков с серыми и черными крапинами по бокам и серебряные блестящие мальков кильки. Забыв обо всем, что творилось на суше, он заплывал в другой, загадочный и интересный ему мир. Но длилось это мгновенья. Легкие распирало от удушья, и он вынужден был выныривать, жадно хватать ртом воздух, и вновь слышать шум и гам кипевшей на берегу жизни. Из-за раскрытых книжек-домов, строчки в которых составляли вместо

букв поблескивающие от солнечного света окна зданий галерейного типа, доносился гул автомобильных моторов, редкий лай собак и голоса детей, игравших во дворах, в тени деревьев и под беседками в детском комбинате. И все это снова возвращало мысли Мухина в мир его привычных дел и забот, к Лене.

Мухин испытывал сладкую истому при воспоминании о ней. И нежность прозрачной волны напоминала ему сейчас нежность Лениной слегка тронутой загаром кожи. Он свободно и плавно раздвигал в брасе руками морское пространство и уходил все дальше и дальше от берега. Городской шум тонул и растворялся в спокойных и плавных волнах, так и манивших дальше, туда, где, словно застыв на месте, играли над водой, как крылья лебедей, белоснежные паруса яхт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.